

Юрий Бернадский

**КРАЕУГОЛЬНЫЙ
КАМЕНЬ**

Новосибирск
2024

ББК 84(2=411.2)6-5

Б 51

Редактор
Александров Н.А.

Бернадский Ю.И.

Б 51 Краеугольный камень. Стихи. – Новосибирск:
Издательский Дом «Историческое наследие
Сибири», 2024. – 352 с., ил.

ISBN 978-5-6051384-3-3

© Бернадский Ю.И., 2024

© Медведев А.Н., 2024

© ИД «Историческое наследие Сибири», 2024

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

С благодарностью к автору книги Юрию Бернадскому я делюсь своими впечатлениями, мыслями и чувствами от прочитанных стихов, ведь для знакомства с хорошей книгой не нужен особый повод. Открыл наугад страницу – и попадаешь в яркий мир поэтических образов, вымышленных и реальных историй, знакомых и неожиданных символов.

Новая книга Юрия Бернадского *«Краеугольный камень»*, впрочем как и все книги автора, – признание в любви родному краю, славянским истокам, людям, с которыми живёшь бок о бок.

Стихи, идущие от сердца, простота и естественность образов позволяют воспрянуть душой, поддаться светлым эмоциям, ощутить себя частью яркого, многогранного, интересного мира, имя которому – наша Родина, Россия.

Каждым стихотворением автор напоминает о том, что мы слегка подзабыли: кто мы и откуда родом, какие обычаи и приметы лежат в основе русских традиций, что есть русский дух, как мудростью и мужеством спасались наши предки и выжили в годы лихолетья.

Книга «Краеугольный камень», полная щемящего чувства сопереживания, возвращает нас к истокам. Туда, где берёт начало наш «сосново-берёзовый род».

*Роднее места нет под небесами.
Суровый край, но сердцу дорогой.
Обласкан солнцем, окружён лесами,
На крутояре поднят над рекой.*

Казалось бы, зачем современному человеку, выросшему на асфальте, шлёпать по бездорожью в поисках неведомо чего? Да и некогда. Дел по горло. Особенно сейчас, когда наш мир трясёт и «плющит».

Но если масштаб личности вы измеряете не только величиной банковского счёта, задержитесь на пару минут. Прикоснитесь к неведомому.

Откройте эту книгу на любой странице. Вас обязательно тронут полузабытые, но такие чарующие и близкие образы: чистота лесного родника и свежесть утреннего ветра, запах только что скошенной травы, куст рябины в окне, былинные персонажи – богатыри Валигора и Вырвидуб.

Осенний ветер-листобой, май-водопол, иней, искрящийся на ветвях берёз. И в каждом образе – невероятная искренность, неувядающая красота и живительная сила родной природы, излечивающей тело и очищающей душу.

Наши добрые традиции, основательные и слегка проперчённые острой задиристой шуткой-прибаут-

кой, искоркой-задоринкой. Не лубочные картинки, а многообразные сюжеты и яркие смысловые оттенки.

Заразительная одухотворённость, музыка и красота родного языка: поговорки, присказки, прибаутки, приметы, поверья, народные мотивы и узоры речитатива. Народ-Златоуст и его язык песенный, полный музыки и гармонии. Язык глубокий, живой и ядрёный на крепкое, меткое словцо, заповедный, но такой родной.

Автор, по-прежнему обращаясь к словообразованию, находится в постоянном поиске основы глубинных смыслов многогранного русского языка. Этот приём не перестаёт удивлять и радовать читателя, как, например, в стихотворении «Наказ»:

*Г-рех в обычае тех, кто рех-нулся,
За-блуд-ился, плут-ает во тьме.*

Читая эти строки, да и всё стихотворение, ты словно проходишь путь покаяния, переоцениваешь свои поступки. Гармония звуков, верно подобранные слова, светлые и чистые чувства – эта непосредственность и правдивость подкупают и увлекают читателя идти дальше страница за страницей.

И неизбежно отступает суетность, скоротечность и разлад нашей современной жизни.

Пусть когда-нибудь к вам придёт желание хоть на час вырваться из каменных джунглей перепол-

ненных городов и почувствовать себя неотделимой частью этого прекрасного мира, «полной грудью вбирая холодный, исцеляющий Родины дух».

Краеугольный камень есть в основании каждого дома и проекта, каждого моста и даже стихотворения. По большому счёту в основании каждого из нас есть свой самобытный, самоцветный краеугольный камень.

*Всему, что создано веками
Людьми, народами, страной,
Положен в основанье камень
Краеугольный, закладной.*

Эта книга о том, что живёт глубоко в душе каждого из нас. О том, что и через сотни лет будет нам опорой и спасением. Эта книга написана, чтобы достучаться до каждого... даже до тех, кто «до любви не дорос, сострадания лишён и к сочувствию не расположен».

Величие, самоотверженность и благородство простых людей, их готовность в трудный час прийти на помощь соседу и родной стране убеждают меня, что сокращение страданий – единственный к спасенью путь. Книга найдёт отклик у читателя любого возраста и социального положения, потому что она способна вселить уверенность в завтрашнем дне и наполнить наши души чистым источником вечной жизни.

Светлана Тарасова
Заслуженный работник культуры России

КРЕПОСТЬ

*Где исток большой реки,
Что до устья катится?
Той, с которою близки
Все до одного.*

*Верю, всё у нас в дому
Как-нибудь наладится.
Ведь не мне же одному
Хочется того.*

Крепость

Крепости, славянские твердыни –
Новгород, Козельск, Владимир, Псков¹.
Нерушимы, живы и поныне,
Устояв под натиском веков.

Как перед намоленной иконой,
Затаив дыхание, стою.
К этим стенам пеший враг и конный
Подступал в неистовом бою.

Будто бы поставлены навеки,
Потому, быть может, и целы.
Рвы вокруг глубокие, как реки,
В семь сажёней² высятся валы.

Тень былых времён легла на плечи.
Даль дрожит от топота коней –
Будто слышу гул жестокой сечи,
Что исходит от седых камней.

Мужество – не платье показное.
В грозный час вставляли от сохи
Ополченцы каменной стеною –
Пахари в лаптях и пастухи.

¹ Новгород Великий основан до 859 г., Козельск – до 1146 г., Владимир – до 1108 г., Псков – до 903 г.

² *Сажень* – старинная русская мера длины. Равна 2,13 м.

И когда тревожны были вести,
Полные решимости, могли
Прадеды мои подняться вместе,
Отстоять родную пядь земли.

Ту, что нами, словно мать, любима...
Будем живы, в памяти храня:
Крепость духа непоколебима,
Верность слову твёрже, чем броня.

Этим мы с рождения богаты –
Ни украсть, ни вытравить нельзя...
Силы растерявши, супостаты
Уходили, крепости не взяв.

Злился недруг, не поняв с досадой,
Почему без страха мы глядим.
Нас не взять измором и осадой –
Выдюжим, воспрянем, защитим.

.....

По слогам, как речь перенимая,
Постигаю Мужества исток.
Иссушённым горлом принимаю
Изначальной крепости глоток.

Краеугольный камень

Всему, что создано веками
Людьми, народами, страной,
Положен в основанье камень
Краеугольный, закладной.

В наш век, распутный и тревожный,
Непрочно всё и в мыслях яд.
Незыблемо в глуши таёжной
Лишь камни-идолы стоят.

Увязли мы в самокопанье.
Чтобы очистилась душа,
На каменку в горячей бане
Плесну водицы полковша.

Неувядаемы заветы,
Что наши деды сберегли,
Как будто камни-самоцветы
В наряде Матери-земли...

Гонец коня по рёбрам хлещет.
Дорога дальняя пылит.
Вновь на распутье камень вещий
Нелёгкий выбор нам сулит.

Добро ждать завтра или зло нам?
И богатырь, и государь
Богам приносят дар с поклоном
На древний каменный алтарь.

Но кто из подлости и страха
Решил соседа погубить,
Кто носит камень под рубахой,
Тому судьба – бездушным быть.

Когда душа окаменела,
Утратами опалена,
В глазах от ярости темнело,
И миром правила война...

Победа – не с похлёбкой миска.
Сверх всякой меры в ней свинца.
Поднялся камень обелиском
На месте павшего бойца.

Храню, как оберег отцовский,
Звезду... и прадеда кресты.

Но даже камень философский
Не тяжелее той звезды.

Хор

Мы – листья на Дереве Жизни.
То солнца, то дождика ждём.
С рождения *кро-не* – *Отчизне*
Обязаны тем, что растём.

Как в *хор-е*, все рядом согласны
И многоголосно поём.
Хоть слитно, но каждый о разном,
И всякий о чём-то своём.

И, как в *хор-оводе*, по следу
Ушедших равняем круги.
Такое недолгое лето
Живём, не мешая другим.

С *у-кор-ом* – обидой под *кор-ни*
По осени падаем вниз.
Но те, кто за нами, упорней,
Чем мы, превращаются в лист.

Земля, не успев помолиться,
Устало отходит ко сну.
Не с-*кор-о* меняются листья,
Ждут почки по-*кор-но* весну.

Спят *кор-ни* под снегом глубоким
Зимой, а на лютom ветру
С деревьев, как будто оброки,
Морозы сдирают *кор-у*.

Забвения зыбкая *кро-мка*,
За кромкой – кромешная тьма.

Но птица-синица негромко
Поёт и не верит сама,

Что жизнь продолжается после
Такой бесконечной зимы.

Весною, пусть даже и поздней,
Из почек распустимся мы.

Играя и цветом и формой,
Меняя и образ и суть,
Всё выкрасим в зелень задорно
Листвой молодою в лесу.

Растёт Древо Жизни нетленно,
И *корни* и *крону* связав.
Поёт *хор-ошо* во Вселенной
Природа на все голоса.

Община

У нас общинный склад ума.
Как улы, рядышком дома.
А кавардак и кутерьма –
Особый дух народный.

В нём смесь упрямства с хитрецей,
Неспешность кажется ленцой,
А простоватое лицо –
По доброте природной.

Хоть и нуждою оглушён,
Народ смекалки не лишён:
Зря не полезет на рожон
Или на обух – с плетью.

Народ российский терпелив.
Но если ярости прилив
Нас отрывает от земли,
Летим сквозь лихолетье.

В хоромах, в храме ли, в тюрьме
Себе мы – каждый на уме.
Всем миром ищем путь во тьме,
До черноты сгорая.

Нам просветленья бы чуток.
И ветра вольного глоток.
И не настолько дик Восток,
Как Запад привирает.

Нам душу греет гармозá¹.
А кто не дюж смотреть в глаза,
Пугает нас, поскольку сам
Отчаянно боится.

Но русский люд особо рьян,
Коль доберётся до ворья.
А тот, кто прячется в бурьян,
В норе не отсидится.

У общежитий суть своя:
Всё в складчину и на паях –
И труд, и быт в таких краях,
Где волки замерзают.

У нас бывает вкривь и вкось.
И тут – хоть подними, хоть брось.

Но вместе веселей, чем врозь.
Вот это и спасает.

¹ *Гармозá* – народное название гармони-двухрядки.

СпасиБо-г

У каждого народа свой алтарь¹
И Вера, что подвинуть может гору.
Она, а не великий государь
Даёт надежду людям и опору.

Пусть даже беспросветно и темно –
Мы для прозренья души открываем...
Бог – он один. И Богу всё равно,
Как мы его в молитвах называем.

Кто прав и кто пред Богом виноват...
Мы заповеди сами выбираем.
И, честь храня, за Веру умираем,
И верим, что иуды канут в ад.

Нам знание с рождения дано.
И к ясной цели выбрана дорога...
Не отступай от Правды и от Бога,
Поскольку Бог и Истина – одно.

Но как узнать, где Правда, а где ложь,
Когда и самому себе не веришь?
Ведь кривизну аршином² не измеришь,
А праведность не выкупишь за грош.

¹ *Алтарь* (лат. – высокий) – жертвенник; в христианских храмах – стол для совершения таинств, в православных – иконостас.

² *Аршин* (тюрк.) – мера длины в России с XVI в. Равен 71,12 см.

За что готов ты заплатить вдвойне,
Не размышляя о дороговизне?..
Лишь то, что для тебя дороже жизни,
У Бога и у Вечности в цене.

Когда подонки попирают честь
И от позора некуда податься,
Нет ничего важнее – поквитаться
Любой ценой... Без чести кто ты есть?

И ты любую жертву принесёшь,
И ад крошечный встретишь без испуга,
Чтоб твой ребёнок справился с недугом...
Пойдёшь в огонь, и в бездну, и под нож.

Что путь к прозрению долг, не жалея...
Но как не сбиться с курса, отступая,
Когда удача, бестолочь слепая,
К тем благосклонна часто, кто подлец?!

Пусть ты устал и зло не сокрушить,
И от судьбы ждёшь только зуботычин...
Не мелочен наш Бог и не придиричив
К тем грешным, кто решил по Правде жить.

За малый грех и спрос с тебя – пустяк:
Излиха выпил – поутру похмелье...
За нрав же подлый смрад из подземелья
Отравит душу малый срок спустя.

Пусть изменили все до одного
Те, чьи слова ты и поступки ценишь...
Но если самому себе изменишь –
Изменишь Богу... Только и всего...

С ноги не скинешь Веру – не сапог.
И жизнь – не за соблазнами погоня...
Благодарю судьбу за то, что понял.
И Душу спас, которая есть Бог.

Пусть даже справедливость обрести
Сегодня шанс – один из десяти,
И время на предателей богато...

Пускай дорогу золотом мостит
Ложь, виртуозна и витиевата...
Но ты не предавай того, что свято!

Бог не простит.

Народ-Златоуст

Русский север. В любом перелеске
Говор наш колоритен и густ.
В каждой присказке ёмко и веско.
Зря не скажет народ-Златоуст.

Этот слог для наследников нажит.
Зазвенит – только случая ждёт.
Шутки ради – и то не промажет,
*В глаз, не в бровь, комару попадёт*¹.

Где с прищуром, где с доброй хитринкой
Слов нарежет – на вес и на вкус.
И покажется небо – овчинкой,
Дикой рощей – ракитовый куст.

Будто жизнью отмерено много,
Куролесим, да только не впрок.
До порога одна лишь дорога,
А когда за порог – семь дорог.

И глядим мы вокруг замороченно,
Дивных слов растерявши запас,
То, что на́долго было и прочно,
Впрок – на будущее, про запас.

¹ Здесь и далее курсивом – перифраз русских народных сказок и поговорок.

Ни дорог, ни примет нынче нету.
Ночь темна, да и лошадь черна.
И куда, лошадёнка, я еду?
Дай пощупаю, тут ли она.

Будто сонной окутаны дрёмой,
Вспомним, память едва вороша:
Загорелось в колодце, соломой
Всей деревней тушили пожар.

Что б ни делали мы ошалело,
Отовсюду лишь бестолочь прёт.
На хороших людей, знамо дело,
В год погожий и то – недород.

Нам хорошие аж до зарезу
Так нужны. Только что-то опять
Вместо них к нам поганые лезут,
Словно могут хорошими стать.

Нам привычнее быть дураками.
Сколько лет огород городим –
Рубят семеро, машут руками,
Да топор на ватагу один.

Дурню лень за наживой гоняться.
Дурень думкой дурною богат.
Зубоскалы вокруг веселятся:
Навыдумывал сдуру и рад.

Подпоясано горюшко лыком.
То жарища у нас, то мороз.
То ли спьяну опять самотыком
Наш овёс через лапотъ пророс.

Многоснежные зимы гуляют,
Позавьюжил наш край снеговой.
Так и родину сын не узнает
И всё меньше радеет о ней.

Всё, что дорого нам, выдували
Сквозняки иноземных ветров.
Путь к истокам снегами завален –
Так задумано было хитро.

Вот и нынче по самому краю,
Вдоль реки сапоги волоча,
Против ветра внаклонку шагаю.
Нешутейно мороз окрепчал.

Даже псина не высунет носа,
Ей и в будке уютно вполне.
И густая вода от мороза
Недвижима стоит в полынье.

На свои трудовые копейки
Ты пойдё разгуляйся, милёк.
Но бутылъ запотевший «злодейки»
Я с мороза в избу заволок.

Ну а там уже было немало.
И ещё далеко не предел –
Четверть с брагой по кругу гуляла,
Стол от грохота кружек гудел.

Рви от ворота, дурень, рубаху!
Шей, вдова, широку́ рукава.
Понагоним на недругов страху.
Разнесёт небылицы молва.

.....

В робу я облачён, или в китель,
Подскажи, в чём призванье моё,
Надоумь меня, ангел-хранитель.
Или средство подскажет чутьё?

Как от нечисти вычистить память
И её не замусорить впредь.
Зимы лютые переупрямить,
Неурядицы перетерпеть.

Чтобы я до прозрения дожил,
Докумекал, что каждый из нас
Сам себе быть опорой должен.
Может, так и спасёмся, Бог даст.

От зачатия до преображения
Русский слог,
наш напутствует он
В путь к величию от сбережения,
К светлым дням из потёмок времён.

Родительский дом

Каждому дорог родительский дом:
Дым над трубой, под окошком рябина,
Лужица хрупким затянута льдом, –
Милая сердцу простая картина.

Бабушки голос, цветастый подол,
И мастерская рукастого деда.
Лавки и крепко сколоченный стол
Помнят большую семью за обедом.

В землю фундамент от старости врос.
Буйство крапивы в углу за сараем.
Выйдешь во двор, и кудлатый Барбос
Радостно кинется в ноги, играя.

Всё здесь на месте – родное, своё.
В печке трещат, что-то шепчут поленья.
Сонно Царапка-мурлыка поёт,
Тихо забравшись тебе на колени.

Насобирав на одёжку репы,
В дом детвора возвращается стаей.
А под застрехой галдят воробьи –
Вечно им места на всех не хватает.

Век доживают в углу обра́з,
Хмурые, словно забытые боги.
Где-то тележного скрип колеса
Эхом откликнется дальней дороги.

Каждого о́браза в памяти след,
Словно на плёнке былых кинохроник.
В стайке Бурёнка вздыхает чуть свет,
Бьются молочные струи в подойник.

Выгонит пёстрое стадо пастух,
На коровёнок спросонья серчая.
Тын оседлавши, горластый петух,
Крыльями хлопая, солнце встречает.

.....

Где-то зашит узнавания код –
Важные вехи, приметы, резоны.
Каждому делу – особый подход,
Каждому празднику – повод весомый.

Каждому кланяюсь новому дню.
Пахнущий печкою, хлебом и щами,
В памяти, как оберег, сохраню
Дом, что родители мне завещали.

О стариках

(притча)

*Посадил дед бабку
В дубовую кадку.
Поливал её водой,
Чтобы стала молодой¹.*

Поведал прадед деду моему,
Что был недобрый в старину обычай,
Когда случалось голодно в дому
В неурожайный год – не до приличий.

Бог – высоко. До лета – далеко.
Сосед амбары хлебом не наполнит.
Об эту пору дряхлых стариков,
Кто и себя порой уже не помнит,

Погрузят в сани – да в тайгу везут
И там под ёлкой на мороз оставят.
Зверь приглядит за немощным в лесу.
Господь простит и гневаться не станет.

.....

Был как-то год – напастей громадьё,
Нужда медведем навалилась сильно.

¹ Русская народная присказка.

Когда достало горькое житьё,
Отец угрюмо озадачил сына:

«Стал никудышный наш беззубый дед,
Не может толком ни поестъ, ни молвить.
Кормить его и дальше – толку нет.
Быть в тягость ближним деду нелегко ведь.

Зажился он, хоть и родных кровей.
Да зубы у самих уже на полке.
Чтоб не страдал от немощи своей,
Давай, сынок, свезём его под ёлки».

Как отрубил отец, шагнув с крыльца.
Но стало деда шибко жалко сыну.
Попробовал он упросить отца:
«Мол, дед ослаб, в снегу застудит спину.

Мол, если что, я нажую ему,
Сухарь-оглодыш размочу водицей.
В тайге так неуютно одному.
Своих бросать, ей-богу, не годится».

Не внял отец и был неумолим.
Вдвоём на сани уложили деда
Не мешкая, да в лес поволокли.
Мороз крепчал, видать, по всем приметам.

В бурьяне неба шишками репья
Щетинились колючим светом звёзды.
Нехоженные дикие края.
Тьма загустела, стал плотнее воздух.

Стволы берёз морозец-колотун
Колол всю ночь, как топором поленья.
Бог зим сибирских – грозный Карачун
Чудил, ко всем живым без сожаленья.

В глуши оставив деда, наконец
Пошли назад. А сын обратно тащит
Пустые санки. Посмурнел отец.
«Я ж говорил тебе – оставь их в чаще.

Не дело это. Дед в последний путь
Отправлен нами с этими санями.
Оставь их».

Ну а сына не свернуть:
«Возьму с собой. Я вот подумал днями,

Ведь и тебя, настанет свой черёд,
Когда откажут к старости ходилки,
Родня в тайгу до срока соберёт».

Отец опешил, почесал в затылке,

На сына подивился и сказал:
«Ну, коли так, дедка везём обратно».
И зашуршали саночки назад
За дедом в лес дремучий. Вот и ладно.

.....

Почёт тому, кто дожил до седин,
Чьё слово для родных людей весомо.
И человек не выживет один.
Не выгоняют стариков из дома.

Зима, как старость, в свой черёд придёт.
В свой срок созреет – станет хлебом колос.
Не тот снежок, что во поле метёт,
А тот, что сединой падёт на волос.

Текут, как реки, годы не спеша,
И каждый дорог прожитый годочек.

Не увядает чистая Душа –
Любви и сострадания источник.

Чем богаты

Коль душа моя открыта,
А казна почти пуста,
Из меня купец – как сито
Из собачьего хвоста.

Коль ношу я что поплоче
Всей родне своей в укор,
Щёголь из меня такой же,
Как из ёжика топор.

Я – как медное колечко,
Проще брючного ремня.
Как из роя пчёл уздечка –
Комбинатор из меня.

Как из блох жене серёжки,
Так из неуча мудрец.
Как баян из драной кошки –
Из меня такой певец.

Дед мой был природный пахарь,
Знал в целебных травах толк.

А из меня такой же знахарь,
Как из веника платок...

Ведь не пропили таланты.
Не бомжи, не симулянты.
Чёрт-те что: не хрен, не мёд
И не заячий помёт.

Плохо верим иноверцу,
И не помнит брата брат.
Хуже, если врач – без сердца,
И без Родины – солдат...

Что могу? По свету шляться,
Не печалюсь о былом.
И каким мне похвалиться
Мастерством и ремеслом?

Раз единственный до пота
Пацаном косил траву.
И заслуг моих всего-то –
Что по совести живу.

Наказ

Мир из ценностей призрачных слеплен,
А в кармане порой – ни гроша.
Одержимые золотом слепнут,
Потерявшие разум грешат.

Кто-то к отчим истокам вернулся,
Кто-то бредит – себе на уме.
Г-рех в обычае тех, кто *рех*-нулся,
За-блуд-ился, *плут*-ает во тьме.

Но за всё наступает расплата.
Голова бы осталась цела!
И чем больше накоплено *зла*-та,
Тем весомей влияние *зла*.

Может статься – себя не отмолишь,
Если в бездну шагнул, где темно.
Остаётся за-блуд-шим о-дно лишь –
Падать ниже и ниже – на *дно*.

Знать бы, где она – к свету калитка,
Да понять, как исполнить наказ.
Наказание – это не *пыт*-ка.
Горький о-пыт – у-рок, а не казнь.

От-рок только шагнёт от порога –
Словно мо-рок, навалится блажь.
Всё, что должен Судьбе по об-року,
Как бы ни было трудно, отдашь.

Коли жизнь не особо толкова,
В с-каз-ке столько всего наплетём!
Как одно отличить от другого?
Не на дне о-каз-аться потом?

Всё ис-править и с-править-ся к с-року –
Смысл жизни и цель впереди.
А наказ – наставление в дорогу,
Чтобы путь свой достойно пройти.

Стать разумным, узнать и усвоить
Все ошибки и страхи сполна
Кто поможет, а не приневолит?
Чтобы вы-стоять, Вера нужна.

С нею в бой подниматься дружине
Без сомнений – вперёд, а не вспять.
Вера – шаг в поднебесье к вер-шине.
Верить – с истиной путь свой сверять.

Тот уверен, кто выбор свой сделал.
Кто не предал – у рода в чести,

Хоть до края дошёл, до предела.
Вер-ность – честь,
чтобы Веру нести.

Даже если случилось запнуться,
Есть наказ: что бы ни было – встать.

Вера – это надежда *вернуться*,
Чтобы снова себя испытать.

* * *

Пусть часто режет ухо правда-матка,
Но дорог нам и люб обычай свой –
Язык, кулак, походка и повадка,
Что выдаёт нас, русских, с головой.

Привычным со стихиями бороться,
Без драки нам тоскливо с давних пор...
Не напроситься тянет – напороться
На жёсткий разговор...

По Правде жить

В отечестве легко живётся нашем:
Свинячим ночью, разгребаем днём.
Вот отгуляем, отпоём, отпляшем,
Опохмелимся – заново начнём.

Когда бредём, по краю ли, по бровке,
Нам кто наглее, тот и удалец.
И самый лучший тот, кто самый ловкий,
А тот, кто к Правде ближе, – не жилец.

У нас кураж в чести, а не стихия.
Ждать ни к чему нам благостных вестей.
Мы от своих забот к чужим глухие,
Ослепли от обыденных страстей,

Таких, что блажь перебивает разум.
И понял я, доживши до седин:
По Правде жить легко, когда все разом.
Пока не соблазнится хоть один.

В народе завсегда – не без уroda.
По чьей вине живём, друг друга зля?
И сдуру лезем в омут вместо брода.
Опомнимся, быть может, опосля?

Намеренья благие в нас прокисли.
Уныние заело, словно вша.
Не от безделья тяжело нам. Без мысли
Спасительной измучилась душа.

Без пастыря народу жить негоже,
Особенно когда душа горит.
Нам словно чарка – на царя надежда,
Что всех утешит или усмирит.

Но всё яснее видно год от году,
Что верим мы не тем поводам.
Что снова
дело тяжкое – народу,
А прибыли и почести – царям.

Быть может, за лесами, за долами
Найдёт получше долю голытьба.
Дорогу к Правде выстелить телами
Своими – наша общая судьба.

Какая есть. Позор или победа,
Беда или удача впереди?

Нужда прижала – поклонись соседу.
Спина не переломится, поди.

Судьба моя – хозяйка, а не гостья.
Посадит на кол или на престол?
А кто не поклонился – за волосы,
Да со всего размаху – лбом об стол.

Но мы смеемся, а не хмурим брови.
Народ у нас непорченный пока.
Привык стоять с любым соседом вровень,
Не унижаясь и не свысока.

У россиян в крови добрососедство.
Тем и жива великая страна.

Судьба – не клад,
а Правда – не наследство.
Какая есть.
Она на всех одна.

Деревенская изба

Не додумана до конца,
Не отвергнута насовсем,
Тяжелей, чем заряд свинца
Или ложь бульварных газет,

Мысль, что будто бы умерла,
Упростилась, сошла на нет
Деревенька, где догола
Чуть не каждый второй раздет.

Всё богатство – топор да печь,
Да охапка пустых горшков.
Но живуча простая вещь,
Пережившая сто веков.

Со стыда или от тоски
Всё в деревне – наперекос.
Здесь не жалуют городских,
Что брезгливо воротят нос

От навоза и нищеты.

Да другая ещё беда:
До последней дойдя черты,
Дети кинулись в города.

Молодёжь, как всегда, права.
Ей другие искать пути.

Вместо хлеба бурьян-трава
Стала сплошь на полях расти.

Обещали водопровод.
Не сложилось оно, видать.
И с дорогой который год –
Деньги кончились. Надо ждать.

Усложняется мир вещей,
Ненадёжных и дорогих,
Прогоняя уклад вашей
Деревенек и сёл благих.

Позаброшен и позабыт,
О спасении не кричит
Деревенский извечный быт –
Печь и каши горшок в печи.

Избы старые в деревнях –
В паутине, как в серебре.
С родниковой водой в сенях
Незатейливый ковш в ведре.

Мир, покорный своей судьбе,
Встретит солнышко на заре.

К деревенской простой избе
Небо ближе и Бог добрей.

Свет в окне

Как много значит свет в родном окне.
Где бы ты ни был – в небе ли, на дне,
В любом краю, и праведник, и грешник,
Ты помнишь дом, плетень, окно, скворешник...

Там свет горел. И ночь была длинна.
Нет Родины без этого окна.
Тебя здесь ждут из года в год в надежде.
И всё поймут, и всё простят, как прежде.

И сколько бы ни пролетело лет,
На всей земле другого места нет,
Где с близкими крест-накрест со слезою
Обнимемся, умытые росою.

В любую пору – летом ли, зимой –
Сквозь годы свет в окне зовёт домой.
Он в дальнем далеке мерцает где-то.
И мир темней, когда в окне нет света.

Хоть всё вокруг меняется окрест,
Гудит о чём-то вечном тёмный лес
В краю, снегами и пургой богатом.
Дом, дочерна облизанный закатом,

Стоит далече от больших дорог.
Всё будет у Истории в свой срок,
Да только у неё другие сроки,
И время для людей – учитель строгий.

Нам будто места нет в родном дому.
В свой срок уходим мы по одному.
А свет в окне – как память поколений,
Ушедших в вечность призрачные тени.

Всему черёд свой, но чего-то жаль.
Придвинулась заоблачная даль,
Мир стал тесней, и небо опустилось.
И каждый новый день – как божья милость.

Всё больше дум, и часто не до сна.
В бору красна не всякая сосна,
Хоть для него шумит и зеленеет.
И тёплый день не всякого согреет.

Но дом родной всегда нас привечал.
Всё рядом здесь – восторги и печаль.
Всё вместе было – жалость и жестокость,
И в годы испытаний тяжких – стойкость.

Привыкли жить мы будто бы взаймы.
Но нынче чем близки друг другу мы?
Два слова: «Как дела?» Поклон соседу.
Мол, не скучайте. Через год приеду.

Живём в многоэтажных городах
Все врозь и отстранённо – кто куда.
А в деревнях, разделены плетнями,
Все породнились испокон корнями.

Стояли крепко у своей межи,
Кто жил до нас и нам оставил жить.
Рассохшаяся скрипнет половица
С досадою, что нам не пригодится.

Хранит, из брёвен сложена, стена
Родные лица, наши имена.
Дни, прожитые в радости и в горе,
Утонут все во времени, как в море.

А нам теперь всей жизнью отвечать
За то, что меркнет за окном свеча.
И жизнь прожить – тут надобно поболе
Терпения, и мужества, и воли,

Чем раз один героем умереть,
Чтобы свече в родном окне гореть.
Там, где любовь и верность неразменна,
Ждут матери своих детей бесценно.

На переломе лет и в трудный час
Не обойдётся Родина без нас,
Как без Отчизны мы не обойдёмся, –
И этим единением спасёмся.

Живу с людьми и совестью в ладу.
За всё добро, что отдано, не жду
Щедрот ответных – только пониманья
И знать, что светит мне окно в тумане.

Я возвращаюсь в сумерках на свет,
В свой дом родимый через пропасть лет.

Живая Русь

Я люблю это хмурое небо,
Эти струи косые дождя
И краюху душистого хлеба,
Что беру, за порог выходя.

Во хмелю или ясно-тверёзым,
Как давно повелось на Руси,
В лес хожу я молиться берёзам,
Слушать будничный шёпот осин.

Мне в хоромах обыденных тесно,
Как и в призрачном мареве снов.
Разудалая грустная песня
Растревожит меня до основ.

Эх, горазды мы спеть и подраться.
И отчаянно лезть напролом.
Нас считают страной голодранцев,
Волчьим краем, медвежьим углом.

Можем всех мы послать в одночасье,
Затеряться в дремучей глуши,
От всего, кроме хрупкого счастья,
Отказаться в порыве души.

Где-то кликнут у нас, и повсюду,
Необузданный нрав веселя,

В тот же миг бесшабашному люду
Откликается эхом Земля.

Скажут где-нибудь веское слово,
Тут же ветры его разнесут
По стране. И пронзит до озноба
Ледяная глубинная суть.

На окраине где-то зарницы
Полыхнут, и, неистово яр,
Забушует до самой столицы
Неуёмный народный пожар.

А когда запоют, и подхватят,
И сольют голоса заодно
В чистом поле, в хоромах ли, в хате
Все – о главном – о доме родном,

Вот тогда приобщимся мы к чуду,
Доживём до заветной мечты.
С тем, кто близок и дорог мне, буду
Петь от сердца и до хрипоты.

Дорогие нам образы вечны –
Рощ зелёных, небес голубых.

И не вычеркнуть сонно-беспечно
Русь-Россию из списка живых.

Заступница Сибирь

Для нас мирок Европы мал.
И, очарованная ширью,
Перемахнув через Урал,
Россия обнялась с Сибирью.

От Запада за годом год
Поток первопроходцев рьяно
Шёл от заката на Восход
Встречь Солнцу и до океана.

С насиженных снимаясь мест,
К земле брели обетованной
Через таёжный чёрный лес,
Через поля дорогой санной,

Через Саянские хребты,
Стремнину рек и холод дикий.
Остроги строил и мосты
Сибирский труженик великий.

Здесь обрела Россия суть,
Непреходящую покуда, –
Особый к единенью путь,
Союз народов, веру в чудо.

Сокровища души хранит
Культур и языков созвучье,
Характер, крепче, чем гранит,
И волю, гор высоких круче.

Сибирь – старателей артель,
Бессмертный полк непобедимый.
А тех, кто далеко отсель,
В озноб вгоняют наши зимы.

Нагородив бредовых врак
Про русский северный обычай,
Завистливый и подлый враг
На нас глядел как на добычу.

Обманщики и хитрецы
За океаном прячут лица.
Всегда хотели подлецы
За счёт России поживиться.

А у Сибири светлый взор.
И боль народа – не в обиде,
А в том, что душу жжёт позор,
Что власть предателей не видит.

Оклеветал Россию тать
И норовит нам сердце вынуть,

Чтоб в рабство за долги продать
Со всей Сибирью на чужбину.

Не торопились нам помочь
«Союзники»¹ из мутной хляби.
Сибирь обрушила всю мощь
На тех, кто нас явился грабить.

Народ российский крепко шит.
В годину бедствий и пожаров
Спас Родину надёжный щит –
Полков сибирских натиск ярый.

Так было прежде. И теперь
Кровавые бинтуют раны,
Превозмогая боль потерь,
Войн современных ветераны.

Мы вновь сегодня, как всегда,
Отечество спасаем наше –
Отстраиваем города,
Встаём к станку и землю пашем.

Нас грабили и скиты жгли.
Но все невзгоды пересилит

¹ Страны-союзники СССР во время Второй мировой войны, в том числе Великобритания – Туманный Альбион.

Кормилица и соль земли
Сибирь – заступница России.

Она не даст себя согнуть
И станет для страны оплотом,
К мечте заветной светлый путь
Найдёт и крылья для полёта.

Не только верой в чудеса
Возводим на земле упрямо
Заводы, пашни и леса,
Святые капища и храмы.

Сибирь – из коренных пород,
Хозяйка, а не побируха.
В нас крепнет от её щедрот
Величие и сила духа.

Она идёт через века,
Озарена снегов сияньем,
И сердцу русскому близка
Для творчества и покаянья.

О лесорубе-силаче
Молва людская байки сложит.
На кряжистом литом плече
Он в сажень два бревна уложит.

Но наша суть – не только стать.
Душ чистоту Сибирь разбудит.
Сочувствовать и сострадать
Здесь до сих пор способны люди.

Идёт народная молва
Вновь от Тобола до Амура
О том, что Родина жива
И воскресает светлым утром.

Превозмогает ложь она.
И мы, от мала до велика,
Воспряли духом ото сна,
Очнулись, сбрасывая иго.

Нам имя дорого своё.
Мы о подачках не просили.
Поклоны кедрам в пояс бьёт
И верует в Сибирь Россия.

Святыням кланяясь своим,
Мы пересилим лёд и пламя.

Не предали о прошлом память.
И будущее отстоим.

Кого бояться?

Пышет злобой заграница.
Вторить ей не тороплюсь.
Не борщом одним гордится
Сиво-лапотная Русь.

Пусть охаян и осмеян
Образ Родины моей,
Невдомёк заморским змеям,
Что бесславно сгинет змей.

Нет в помине совершенно
У заморских болтунов
Нашей чуткости душевной,
Крепких нравственных основ.

Русь – ржанных хлебов краюха.
Помним, бережно храня,
Всех земных и водных духов,
Духов ветра и огня.

Этот мир незримый рядом,
Здесь, в обыденных местах, –
Домовой за печкой спрятан
И русалки в омутáх.

По Оби, по Енисею,
От Таймыра до Саян,
Из лесов на мир глаза,
Духи-идолы стоят.

Мы при встрече глаз не прячем
И не вдарим драпака,
Повстречав в углу лешачьем
На тропе лесовика.

Каждый образ помним с детства
Или держим про запас, –
Помогают по соседству
Духи каждому из нас.

Грибнику места покажут,
Путь бродяге к огоньку,
Наколдуют часом даже
Клёв отменный рыбаку.

На болоте и в дубраве,
Будь ты грешен или свят,
Коль оступишься, поправят,
В добрый путь благословят.

Не страшит нас мир огромный.
Совладать с любой бедой

Мог характер неуёмный
Наш упрямый и крутой.

С крепкой верой, доброй песней
В край полуночный брели.
Обживали с ними вместе
Неприютный край земли.

Здесь на страже зверь и птица –
Чуют загода беду.
Этих мест лишь тот боится,
Кто с природой не в ладу.

О живых её забота.
Примечай да поспешай:
День пришёл – трудись до пота,
В час лихой не оплошай.

Ей не грех и поклониться
За припасы-короба.
У ручья – воды напиться,
На полях – растить хлеба.

Край родной – душе отрада.
Здесь привольно, как нигде.
Дичь и небыль всюду рядом.

Но не их бояться надо,
А озлобленных людей.

Холода

Не пугайте морозами русских,
Нам без стужи – не в жилу зима.
Спиртом греемся мы без закуски
Там, где Хатанга и Колыма.

Крайний Север – он очень красивый.
Не мешают нам жить холода.
Занимает две трети России
Край нетающих льдов – мерзлота.

Светит зимнее солнышко где-то,
В январе, как в апреле, – капель.
А у нас – четверть года без света,
Ночь длиною в пятнадцать недель.

Северянам хватает экстрима,
Так что голову сносит врачу.
Даже сердце сбивается с ритма
И вибрируют органы чувств.

Лишь людей нерушимой породы
Заполярье по жизни везёт.
Но от прихотей скверной погоды
Здесь зависит практически всё.

Хоть кого ураган приневолит.
Лишь бессмертный решится на риск.
Самолёты стоят на приколе,
Ждёт погожего часа Норильск.

Самосвал не укроешь под шубкой.
Глохнет двигатель в лютый мороз.
Стекленея, становится хрупкой,
Застывает резина колёс.

Помолись – может, ангел-хранитель
Грешным делом замёрзнуть не даст.
Поджидая подмоги, водитель
Поджигает заглохший КамАЗ.

Сердце к горестям ближнего чутко
Там, где совесть не втоптана в прах.
Кто бы ни был, любая попутка
Не объедет костёр второпях.

Север страх из души выгрызает.
Справедливость вершит самосуд.
Никого здесь в беде не бросают –
Обогреют, накормят, спасут.

Приучает Сибирь не сдаваться
Даже тех, кто прижиться не смог.
С северами нам не расплеваться –
Замерзает в полёте плевков.

Путь к спасению – долгий и дальний:
Слишком много в нас дури и зла.
Чистый воздух, до звона хрустальный,
Очищает от хвори тела.

Пусть в кювете КамАЗ догорает –
Завтра будем умней, чем вчера.
Старожила Сибирского края
Умываются снегом с утра.

Чтобы душу очистить от дряни,
Будем сами с собою честны.

После долгой зимы северяне
Рады солнцу с приходом весны.

Можем мы сгоряча рассердиться
На нелёгкую жизнь в холода.
Пусть лютует мороз. Не годится
Бес-сердечными быть. Никогда.

Сибирский тракт

Проложен тракт по милости царя
От стен Москвы и на Восток до края.
В неведомые дали путь торя,
Мы шли, в сугробах вехами вмерзая.

Там, где медведь жил испокон да лось,
Мы чаяли увидеть *воскресение*,
Кому в своём краю не пожилось,
Кто обделён был счастьем да везеньем.

За лучшей долей шли через Урал.
Простор – налево, вольница – направо.
Господь к себе заблудших прибирал.
Дошли – кому Сибирь пришлась по нраву.

Пусть даже тут за всё – цена вдвойне,
Не ждали мы поблажек и в помине.
Телегу с лошадёнкой наравне
В надрыв тянули по раскисшей глине.

Цеплялась жизнь за тракт, как за хребет.
И обрастала сёлами среди сосен.
Здесь каждый камень проклят и воспет,
И каждый перекрёсток судьбоносен.

Там, где за далью непрогляден мрак
И только грязь к подошвам прилипает,
Стоят домишки окнами на тракт, –
Ходи-гляди, кто в доме щи хлебает.

Так и живём. Не простодыры, чай.
Всегда в пути, покуда носят ноги.
И ты гляди вокруг да примечай,
Откуда ждать грозы или подмоги.

Кто только не ходил за счастьем тут,
О барышах, о чести ли радея.

Так вперемежку до сих пор живут
Исправники, а рядом – лиходеи.

Привыкли поспешать, а не спешить.
Народ у нас наивный, но с хитринкой.
С фантазией ему не скучно жить:
То с чаркою хмельной, а то с дубинкой.

Кто водку пьёт, а кто грызёт мосол.
Кто молится, а кто в сердцах злословит.
Один – добряк, другой угрюм и зол.
Одни воруют, а другие ловят.

Так и живём – на всех простор один.
Сибирский тракт – одной дорогой ходим,
Хлеб аржаной один на всех едим,
Дела верстая по одной погоде.

Кто завтра будет жить и кто пожил,
Повязаны единым общим делом.
Горюем вместе у одних могил
Под солнцем знойным и под снегом белым.

От нашей топотни не устаёт
Сибирский тракт. Так по нему и катим.

А про Сибирь лишь кто-то запоёт –
Мы всей артелью как один подхватим.

Эталон

В Палате мер, весов и эталонов
Есть вещи очень странные подчас:
Плед чей-то тёплый клетчатый и чай
Малиновый, целебный, пять галлонов¹,

Свирель пастушья, что сама поёт,
Кирпич, определяющий погоду,
Складная миля² в помощь пешеходу.
Есть всё. Но кой-чего недостаёт.

Того, чем испокон крепка Россия:
Счастливая подкова, медный гвоздь
Заговорённый, да ещё *авось*,
И к ним – одна *эпическая* сила,

Сажённый столб коломенской версты³,
Штоф безразмерный, рубль неразменный,

Родительский наказ благословенный –
Как эталон душевной теплоты.

¹ *Галлон* – старинная английская мера объема. Равен 3,79 л.

² *Миля* – старинная европейская мера длины. Сухопутная миля равна 1609 м.

³ *Верста* – старинная русская мера длины. Равна 1067 м.

Я родился в России

Я родился в России,
И, видать, неспроста.
Может, есть и красивей
На чужбине места.

Мне ж оконца резные
Краше блеска столиц
И платки расписные
Заводских мастериц.

Как из детства письмишко –
Вспомню дом над рекой,
И вихрастый парнишка
Мне помашет рукой.

На окраине выпас
И поленница дров.
Где родился и вырос –
Дом родимый и кров.

Малой родиной с детства
Ту деревню зову.
И пора б оглядеться,
Как и где я живу.

Мне верните Россию,
Где рябина в окне.
Утром ноги босые
Росы выстудят мне.

Как в бредовом угаре,
Кто я, – вижу с трудом:
На осьмушку татарин
И на четверть чалдон¹.

Украинец и чукча,
Белорус и хакас –
Будто в устье излучин
Перепутано в нас.

И похабник, и лирик,
Был купцом и бойцом.
Сорок сроков в Сибири
Мать прожили с отцом.

Где их судьбы носили
Друг от друга вдали?
Что родился в России,
Им поклон до земли.

¹ *Чалдон* (заимств. из монгол. – бродяга, беглый, каторжник) – сибирский коренной (давнишний) житель русского происхождения. Возможно, чалдоны – переселенцы с южных рубежей России (между реками Чалкой и Доном) в конце XVI–XVII вв.

Мы слегка заплутали,
Путь пройдя не прямой.
Из заоблачных далей
Мы вернёмся домой.

Как прожить без Рассей,
Где погост за селом?

Где и вёси¹, и семьи –
Всё единым узлом.

На таёжной Тунгуске,
В Туле и Ханкале –
Здесь по духу ты русский,
На российской земле.

Стали русскими тоже
По любви, не за страх,
Даже немец с Поволжья
И алтайский казах.

И не с брагою кружки
Душу трогают, брат, –
Озорные частушки
И тревожный набат.

¹ Вёси – деревни, сёла.

И в науке, и в спорте –
Был ты первым везде.
Неуёмный в работе –
У станка, в борозде.

Матюгнувшись со вкусом,
Так, что искры из глаз,
Ты кидаешься в драку
И в лихой перепляс.

Счастье враз не увидишь,
Как сухарь на столе.
Мы искали град Китеж¹ –
Светлый рай на земле.

Мудрость та невелика:
Меры не обрета,
Начесав горы лыка,
Не сплетёшь и лаптя.

¹ *Град Китеж* – легендарный город в северной части Нижегородской области близ села Владимирского на берегах озера Светлояр у реки Люнда. Когда в XII в. татаро-монголы напали на град Китеж, из-под земли хлынули воды и затопили город и захватчиков. Только те, кто чист сердцем и душой, могут найти путь в Китеж-град. В тихую погоду иногда можно слышать колокольный звон и пение людей из-под вод озера Светлояр.

По чужому примеру
Слепо шли в западню.
Принимали на веру,
Словно дети, брехню.

Запад нынче без нимба.
В том не наша вина.
За науку спасибо,
Разочтёмся сполна.

Что иллюзии рынка?
Шмоток ношенных ком.
Запотевшая крынка
Мне милей с молоком.

Наши главные скрепы
Не имеют цены.
Не для пьяной потребности
Образ древней страны.

Святость общего дела –
Сокровенный наказ...
И с иконы глядела
Русь и верила в нас.

В этом черпаем силу,
Чтобы вновь устоять.
Из России в Россию
Мы вернёмся опять.

Вспомню на косогоре
Дом в родимом краю...

Про отчизну мою
В многотысячном хоре
Третий с края пою.

"ЧУЖАЯ" ВОЙНА

*Пусть даже справедливость обрести
Сегодня шанс – один из десяти,
И время на предателей богато...*

*Пускай дорогу золотом мостит
Ложь, виртуозна и витиевата...
Но ты не предавай того, что свято!*

Бог не простит.

Памяти Святослава

В нас не угасло величие духа.
Вспомним о русском единстве былом.
Пусть даже сердце от чёрствости глухо
Или отравлено ложью и злом.

Знаю, не время пустых сожалений.
Шубу из жалости вряд ли сошьёшь.
Горечью пахнут пожары селений,
Отданы избы врагу ни за грош.

Братство славян обернулось враждою.
Щи мы хлебали из миски одной.
Ну а теперь изготовились к бою,
Отгородились высокой стеной.

С этой бедой не могу примириться,
Прочь из души я досаду гоню.
Но от предчувствий дурных не укрыться,
Будто попали мы все в западню.

Мир меж народами поизносился,
И без боёв не проходит ни дня.
Вновь на крестовый поход вдохновился
Запад, желая чужое отнять.

По берегам Ангары и Тунгуски
Не переждать у войны на краю.
Всех, кто открыто зовёт себя русским,
Нынче в Европе камнями бьют.

Вновь подлецы об империях грезят.
Духом ослабший от страха притих.
Нам от святынь предлагают отречься,
Даже из памяти вычеркнуть их.

Флаг над Брюсселем полощется вражий,
Скалится хищно наёмников рать.
Встать на защиту истории нашей
Время пришло. Дальше некуда ждать.

Вор охамевший с предателем в связке
Тащит чужое, циничен и рьян,
Обогадившись на землях славянских,
До нищеты разоривши славян.

Русь, как крестьянская лошадь, двужилъна,
Может, коль надо, все силы напрячь.
В час роковой князь поднимет дружину,
Чтобы на недруга ринуться вскачь.

Выгнал хазар ненасытных ораву.
Жить, как хотим, мы сегодня вольны.

И возведён монумент Святославу¹
От благодарных потомков страны

На порубежье, в лихую годину,
От незлобивой и чистой души –
Русской земли ополченцу и сыну,
Князю, что грозных врагов сокрушил.

Воин бесстрашный не жаловал трусов,
Объединил, жить по-братски веля,
Русских, украинцев и белорусов,
Древних словен, северян и полян.

В век тот жестокий не дал окаянству
Укорениться в могучей груди.
Он наконец-то Хазарскому ханству
Грабить славянский народ запретил.

Память народа – открытая книга.
Доброе слово приносит гонец
В Харьков, Полтаву, Волынь и Чернигов,
В Галич, Херсон, Дрогобыч и Донецк.

¹ Памятник великому князю Святославу Храброму установлен рядом со Свято-Троицким монастырём в селе Холки Чернянского района Белгородской области в 2005 г. – в честь 1040-летия разгрома Святославом Хазарского каганата. Автор памятника – В.М. Клыков.

В грозные дни единенье былое
Нужно, как воздух, великой стране.
Ненависть льётся кипящей смолою.
Белгород вновь под обстрелом в огне.

Жители мирных домов на прицеле.
Словно в остывшей печи уголёк,
Теплится вера в сердцах еле-еле –
Всё образуется, мир недалёк.

Междоусобицы – хуже пожара:
Души в огне и рассудок в дыму.
Чешутся руки, чтоб новых хазаров
Мы разукрасили «под хохлому».

Рано страну нашу в саван одели.
Зря о наживе мечтает наймит.
Нас никакая межа не разделит,
Ложь никакая глаза не затмит.

Памятник Князю стоит нерушимо,
Пусть кто угодно славянам грозит.
В камне и бронзе застыла дружина
На рубежах необъятной Руси.

Коренная порода

От вранья о войне стервенею,
Как от пошлых угроз.
Чьё оружие было сильнее?
Разве в этом вопрос?!

Чьих шагов роковых многократность
До беды довела?
И солдат, невзирая на храбрость,
В отступление гнала?

Рвал в лохмотья сверхпрочные стали
Ураган огневой.
Но стеной за Отечество встали
Те, кто верил в него.

Пробудившийся в недрах народа,
Силу гнев набирал.
Поднялась коренная порода –
И Сибирь, и Урал.

Что-то главное знающий – веский,
Жизнью битый уже,
Встал упорный мужик деревенский
С крепким стержнем в душе.

Встал, чужие грехи искупая.
И за други своя
Встал, когда уже все отступали.
Удержал. Устоял.

Властью напрочь в правах поражённый,
Горя с лихом хватил...
Обескровленный, веры лишённый,
Как народ победил?

Дело ратное к жалости глухо –
Жизнь и смерть на весах.
Закипала в отцах ярость духа
У сынов на глазах.

Так же прадеды наши седые
Смерть встречали в лицо,
Чтобы сильные и молодые
Заменили отцов.

Бой с врагом принимая без страха,
Ратоборцы в годах
Без доспехов и в белых рубахах
Были в первых рядах.

Уповали не только на Бога.
Расплатились сполна...
С той войны их вернулось немного.
Что поделать – война.

Кто прошёл этот смертный экзамен,
Никогда не умрёт.

И теперь уже, ставши отцами,
Мы выходим вперёд.

* * *

Нам ещё предстоит научиться
Вновь гордиться Страной,
Протрезветь, навсегда излечиться
От напасти дурной.

Нас хотят разобщить, перессорить –
И отцов и детей.
Всё, что дорого нам, опозорить,
Приучить к слепоте.

Это нам – за беспечность расплата...
Выйдя из забытья,
Верю, зрячими станем когда-то
Без вранья и нытья.

Все, кто хапать привык дармовщину,
Погодите чуток.
Скоро небо вам станет с овчинку
И земля – с ноготок.

Каиново племя

Отгородиться бы нам от подонков.
С совестью нынешний мир не в ладу.
Братоубийство в крови у потомков,
Тех, что от Каина род свой ведут.

Это родство – тяжелее оброка,
Яд, что со временем душу разъест.
Каина племя обижено Богом,
Вечно гонимо с насиженных мест.

Небо, что ярко над нами синее,
Люди, озлобившись, видят едва.
Мстить от обиды – желание сильнее
Здорового смысла и чувства родства.

Племя отверженных гневом ведомо.
Тягостно им называться людьми.
Руку на брата поднявший – подонок,
Проклятый Богом, лишённый любви.

И не живёт по библейским заветам
Мир наш, пронизанный ложью насквозь.
Путь к просветленью ослепшим неведом,
В голову зависть забита, как гвоздь.

В горестный час уповаем на Бога,
Пусть даже верим едва ли на треть.
Правда, пускай тяжела и жестока,
Но помогает ослепшим прозреть.

Люди с рожденья спасались от ада,
Но от грехов не ушли в монастырь.

Где-то к востоку от райского сада
Край был дарован им дикий – Сибирь.

Оберегала их нянька-природа
И успевала за всеми радеть.
Дед и отец мой – из этого рода.
Предок сибирских народов – Медведь.

Таинство Боги-Стихии творили,
В снежных перинах баюкая нас.
Чистые реки нам лица умыли
И оживили в предутренний час.

Тело – из глины, а кости – из кедра,
Кровь солона, как морская вода.
Щедрый подарок – дыхание от ветра,
Ну и от солнца – тепло в холода.

Мы век за веком предания копим.
И каждый день – на развилке дорог.
Что мы творим? По добру или злобе?
Это наш выбор и детям урок.

Создан из грязи подлец и порока.
Только на зло и на подлости гожа.
Вошь, даже если у Бога под боком, –
Вечно всё та же тифозная вошь.

Твари, наш мир напिताвшие горем,
Призваны будут на праведный суд.
Каина род навсегда опозорен.
С честью потомки Медведя живут.

Выйдут ли дети по нашему следу
В светлое завтра из смуты былой?
Сильные духом одержат победу,
Выметут тварей поганой метлой.

Что сохраним мы, а что похороним?
Или всё прахом времён заметёт?

Время проходит рвать волосы с корнем.
Завтра для радости время придёт.

«Чужая» война

Нас снова кризисом взбодрили.
Но безмятежно спит страна...
Мы смотрим новости как триллер,
А это не кино – война.

Она у самого порога,
У моего и твоего...
А суть жестокого урока
Опять всё та же: кто кого.

Не здравый смысл правит нами,
Его давно в помине нет.
И русофобию, как знамя,
Несёт Европа сотни лет.

Её оскал не виртуален.
Он проступает сквозь туман.
Он неизменен и банален –
Коварство, подлость и обман.

Пускай и помним мы, и знаем,
Что нет в политике святош...
К чему их глупость показная
И возмутительная ложь?

К чему на нас Европе злиться,
Замками ржавыми скрипеть?

Не веря в Господа, молиться?
Предавши Родину, скорбеть?

О чём майдан вопит истошно,
Спецслужб усиливая прыть?
Всё для того, чтобы надёжно
Намерений серьёзность скрыть.

Об этом грозные вердикты¹,
Чтобы у Штатов быть в чести,
И, провоцируя конфликты,
Контроль над миром обрести.

Казалось нам, что не коснётся
Нас эта грозная беда,
Всё на круги своя вернётся,
Как дым, растает без следа.

Но мир трещит от перегрузки.
И достаётся нам вдвойне,
Поскольку русских против русских
Натравливают в той войне.

И все сомнения отбросьте –
Ликует неприкрыто бес,

¹ *Вердикт* (лат.) – решение присяжных о виновности подсудимого.

Когда горланят «Дранг нах остен»¹
Колонны нового SS.

Кровопускание – не клизма –
Прописано Европе всей...
Реинкарнация² нацизма,
Где нет пространства для «Рассей»...

Так часто, что и не упомнишь,
Горели наши города.
Но мы, что б ни было, на помощь
Народам братским шли всегда.

И сколько их, смертельных сшибок,
Для русской выпало земли...
Просчётов сотни и ошибок
Россию к пропасти вели.

Нам этот ров не перепрыгнуть,
Пока в себе мы не вольны,

¹ «Дранг нах остен» (нем. Drang nach Osten) – буквально «натиск на Восток». Выражение широко использовалось в кайзеровской Германии и позже нацистской пропагандой, чтобы подчеркнуть стратегическую важность немецкой колонизации востока для расширения «жизненного пространства» для немцев, в первую очередь за счёт русских.

² Реинкарнация (лат.) – перевоплощение. Группа религиозно-философских верований, согласно которым бессмертная сущность живого существа перевоплощается снова и снова. В широком смысле – возрождение.

Пока не соберёмся выгнать
Агентов Штатов из страны.

Мы очень долго «не чесались»,
Нюх потеряли, чёрт возьми!
И в окружение оказались
Враждебных электронных СМИ.

Врывается в наш дом сегодня
Война, выламывая дверь.
И оболваненных не сотня –
Их миллионы, тех потерь.

На самостийность притязанья –
Забвенью преданы они...
От повреждения сознания
Универсальной нет брони.

Расслабились?.. Извольте, нате-с –
Противник всё возьмёт «за так»,
Поскольку мы не в силах натиск
Валютных отразить атак.

Обидно признавать и больно
И всех и каждого вину:
Скупая доллары, невольно
Мы финансируем войну.

За всё, что обещали «даром»,
Ценою платим дорогой.

А цель их главного удара –
Россия... и никто другой.

За ум не время было братья,
Пока друг с другом мы дрались...
А генералы корпораций
Давно противнику сдались.

Подлей и гаже оккупантов
Те, кто о рынке нам вещал.
«Заботой» этих консультантов
Народ заметно обнищал...

От драки не отгородиться...
Так пусть не дрогнет командир.
Россия снова возродится,
Объединяя Русский мир.

Что нами Родина любима,
Мы доказали много раз.
Надежда в нас неистребима,
И вечен прочности запас.

Предательством, как цепью, связан,
Мир опаршивел от измен...

А чудо в том, что раз за разом
Мы поднимаемся с колен.

Не для избранных

Исключительность – страшное зло
Рас, религий, сословий, наречий.
Исключительность – не ремесло,
А порок и позор человеческий.

Исключительность – власть над людьми,
Что зачислены властью в холопы.
Чтобы править, по спинам плетью
Нынче не обязательно хлопать.

Ни к чему самоизбранным стыд –
Пропаганда сознание сдвинет.
Будет избранный весел и сыт,
А другие – лишь «грязные свиньи».

В чьих руках наши судьбы и жизнь?
И гроша она, может, не стоит?
Многоликий тщеславный фашизм
Всем неизбранным рабство готовит.

Прочищает народам мозги
Виртуозно сработанной ложью.
Все, кто думают сами, – враги.
Им в наставники – свору бульдожьё.

Неразумных пора вразумить,
Приструнить, напугать и заставить.
Безнадёжных и дерзких – казнить.
Поменять ложь и правду местами.

Интернетовский грязный прибор
В извращениях плещется бойко.
Кто был красный – уже голубой.
Теленовости пахнут помойкой.

Дела нет до семьи молодым.
Не помогут родители детям.
Добродетель для избранных – дым,
А неизбранных бить – добродетель.

Отделяет одних от других
Страсть к деньгам и отсутствие меры.
Стала ненависть флагом для них,
А корысть – новоявленной верой.

У войны справедливости нет.
Тьма пытается выглядеть Светом.
Вспышки взрывов – не солнечный свет.
Здравый смысл снарядам неведом.

А рецепт, чтобы избранным стать, –
Бросить в тех, кто не избраны, камень.

Не способен фашист созидать,
Только землю топтать сапогами.

Равнодушие стало виной
Маршам факельным ряженных бесов.
Отсидеться за чьей-то спиной –
Выбор лишь подлецов и балбесов.

Дезертиров, предателей тьмы
Подались в безопасные дали.
И не всех провокаторов мы
Рассекретили и разгадали.

Устают караульные бдить,
И не очень надёжны ограды.
Втихаря наловчились вредить
Саботажники и казнокрады.

Полстраны растащив по кускам,
Ходит столько воров на свободе.
Ну а кто недоволен, пускай
Позаботится сам о народе.

Спрос с предателей нынче вдвойне,
Кто со всякою сволочью дружен.
Кто нажиться решил на войне –
Тот такой же фашист. Даже хуже.

У пожара сирот не согреть.
Факты мозг продолжают таранить.
В книге жизни страниц не стереть.
Что свершилось, уже не исправить.

Разморочить непросто умы,
Дым и смрад в головах поразвеять.
Понаелись терпимости мы.
Сердцу ближе – в Отечество верить.

Образ Родины нам не чужой.
В свой черёд заступаем на вахту.
Мы умеем любить всей душой,
Бескорыстно, а не по контракту.

Добровольцы страну защитят
Не за мзду – по велению сердца.
Дети трусости нам не простят.
От себя никуда нам не деться.

.....

Вновь российские сёла горят.
Лезет к нам сволота оголтело.

У колодца вождей костерят
Бабы русские. Видно, за дело.

Наши ценности

Там, у войны на пепелище,
Следы кровавы и свежи...

Тем, кто остался без жилища,
Иди про устриц расскажи!

«Трагедия» твоя нелепа
На фоне истинной беды...
Тех, кто давно живёт без хлеба,
Оставил Запад без воды.

Мир не пойдёт от санкций прахом...
Ну, станет чуточку бедней...
Сравни сегодня карту страхов
Военных лет и этих дней...

Но мы не приползли на пузе
И умудрились встать с колен...
А лижет пусть в Евросоюзе
Ассоциированный член.

Он, может, свыкся с этой ролью...
Но нам пора кончать блудить...
Пора, собрав народ и волю,
Любовь к отчизне возродить.

Народы крепче, чем цепями,
Соединяют, как мосты,
Традиции, язык и память –
Мир наших ценностей простых.

Прогнозам вопреки

У нас во все века – то глад, то мор, то смута,
То бунт на корабле, то в горле горький ком.
Россию тащим вверх... Но снова почему-то
Не к звёздам на крыле, а – под ребро крюком.

Россию топором как только не тесали
Чужие и свои... Да видно – не с руки.
Нас тридцать лет назад со всех счетов списали,
Да вот жива страна прогнозам вопреки.

Мужики

С малолетства мужики – головы бедовые.
Им бы всё – озоровать, бабам вопреки,
Друг о дружку почесать кулаки пудовые.
Вот и лезут на рожон горе-мужики.

На Руси народ дурной.
 То дерутся до смерти,
 Супостата воевать –
 хлебом не корми;
 То последнее пропьют –
 не напьются досыти;
 То поклоны в церкви бьют,
 чтобы стать людьми.

Любит русская душа
буйных да отчаянных.
Только чиркни – полыхнёт
пламенем в печи.
Из огня да в полымя
лезут неприкаянно.
И отнимут кочергу
у чертей в ночи.

Мать-земля, лихих голов
ты немало видела,
Наделяла их сполна
от своих щедрот.
Не у всех с годами дурь
из голов повыдуло.
Полегли в чужой земле,
наплодив сирот.

Кто вернётся издаля
на родну стороночку,
Чтоб уважить земляков,
аж рубаху рвёт.
Словно спичка – мужичок
подожжёт бабёночку,
Сам на радостях сгорит,
а дитё живёт.

Не даёт спокойно жить
наша кровь горячая.
Только кажется порой –
зря мы егозим.
Не раскрылась на добро,
спит душа незрячая
В глубине глухих снегов
заполярных зим.

Не злопамятен народ,
но душа обидчива.
Спал всю зиму на печи
Муромец Илья.
Встал, когда уже врагу
в зубы дать приспичило,
Чтоб не путал берега,
не терял края.

Заставляет глаз прозреть
горе безысходное.
Что же мы, как должники,
у беды в горсти?
Гадит нам исподтишка
гнида подколотная,
Чтоб под корень всех славян
в драках извести.

Подлецам придёт черёд –
ох, не поздоровится.
Устоим, не привыкать –
все в одном строю.
На Руси богатырей
меньше не становится.
Защитим свой дом родной
и семью свою.

Даже если всей гурьбой
 сволочи навалятся,
У врагов кишка тонка
 Русский дух сломить.
Раззудилося плечо,
 разгулялась палица,
Просто так её теперь
 не уgomонить.

Слава павшим на войне,
а живым обещаны
Честь и доблесть за труды
ратные сполна.

Мир спасёт любовь Мужчин
к Родине и Женщине.
Ради будущих детей.
Изыди, война.

Не о героях

О милосердии не лгите!
Не в этом доблести исток.
Медалями увешан китель
Героя, что к врагам жесток.

Народ лопатой в ополченье
Ворочает земли пласты.
Герой – пример и поученье
Для обывателей простых.

Обычай этот в наших генах,
И тем весомее вдвойне.
Героем станет непременно,
Кто озвереет на войне.

Мы ропщем грозною порою,
Когда беда приходит в дом:
Не навоюешь без героев.
И песня, и молва о том.

Кто супостатов истребляет,
Пред Родиной своей чисты.
Их даже церковь прославляет
И вешает на грудь кресты.

Жизнь на войне всегда на грани:
Громи врага, пока живой.
Герой хорош на поле брани,
А в мирной жизни от него

Одна морока и досада –
Воюет, всё вокруг круша,
Всех полосует острым взглядом
И норовит достать прикладом.

Дым в голове, в крови пожар.

Готов открыть огонь по цели,
С крутых сорваться берегов,
И всех людей, как прежде, делит
Он на своих и на врагов.

Написаны победы кровью
В любом краю, в любом году.
Когда настанет мир, герою
Без подвига невольно.

Кто ярость принял как лекарство,
Тому и жизнь не дорога.
Геройство или окаянство –
Остервенело бить врага?

Нарушить заповедь, решиться
И вместо Бога суд вершить?
Суровой кары не страшится
Тот, кто никем не дорожит.

На пустословие горазда
Толпа героям на беду.
Кто убивал легко и часто,
Геройствует уже в аду.

Лежит в обнимку с автоматом
Вповалку скошенная рать.
Под пули брошенным солдатам
Героями уже не стать.

В ходу всё так же право силы.
И нашей нет ли в том вины?
Мы все, не только заправилы,
Ни дня не можем без войны.

Грохочет где-то за горою
Война. Идёт жестокий бой.
Мир защищая, НЕ герои
Вновь будут жертвовать собой.

Выгорание души

*Век злодея невелик:
Злой и смолоду – старик.*

Во что мы мир ни приоденем –
Повсюду двойственность видна.
Он разделён на светотени,
Оттенки и полутона.

Всем – от наивных до «кручёных» –
Терпимее нам быть – завет.
Нет ликом непроглядно чёрных,
Но и кристально белых нет.

Добро и зло бытуют рядом.
И праведник подвластен злу,
Коль может поцарапать взглядом –
Гвоздём железным по стеклу.

Неправедник, кого ты судишь
И принародно врёшь «на бис»?
Мил и любим для всех не будешь,
Хоть вывернись и расшибись.

Лжецы, в Берлине ли, в Париже,
Во все века невинных быют.

Кто сладок приторно – залижут,
Того, кто горек, – заплюют.

И на кого теперь нам злиться?
Обманутые мухлежом,
Кто уповал на заграницу,
Иллюзий начисто лишён.

Когда, поверженный ударом,
Титан беспомощно лежит,
Даётся жалость нам задаром.
А зависть надо заслужить.

Исподтишка привыкший цапать,
За пятки рвёт Евросоюз.
От страха подличает Запад,
Завидует России трус.

Порой не думая о «завтра»,
Мы попривыкли жить легко.
Но рвутся пушечные ядра
Уже совсем недалеко.

И даже опытный вояка,
Когда наводит страх гроза,
Невольно держится за якорь,
Совсем забыв про паруса.

И если рядом грохот фронта,
Любой меняется в лице:
Есть силы плыть до горизонта,
Но держит якорная цепь.

«Герой», бывает, перетрусит.
Но пострашнее подлой лжи
Не исчерпание иллюзий,
А выгорание души.

* * *

Кто прав, хулы не убоится.
Восстанем и из пепла мы.

Пусть даже тьма в огне тaitся,
Но рвётся Свет из бездны тьмы.

Про солдата

Вы рассказчика не троньте.
Он своё отвоевал...
Тем легко судить о фронте,
Кто на фронте не бывал.

Фронт – орудий перебранка,
В горле ком, в коленках дрожь.
Под бомбёжкой против танка
В штыковую не попрёшь.

Но герой войны великой
Встал, презрев огонь и чад,
Против всей армады дикой –
Всеми брошенный солдат...

Не дошёл до обелисков
Тот, кто с боем отступал...
Изо всех армейских списков
Выбыл... без вести пропал.

То ли зверем, то ли вором,
Без дорог, ползком и вброд,
Почерневший от позора,
Пробивался через фронт.

От обиды духом падал,
Хоронился край села.
Но от бабы взгляд не прятал,
Что напиться подала.

Отступал с одним патроном.
Волком был во сне дурном.
И не знал, что оборона
Всей страны на нём одном...

Память вечная герою.
Но судьбу не нам вершить, –
Плен... штрафбат...
Солдатской кровью
Искупил... Остался жить.

Воевал... Варшава... Прага...
Пыль чужих дорог месил.
Был в аду... и там, однако,
Он пощады не просил.

Промахнулась пуля-дура,
Притупилась боль утрат...
Но бредёт солдат понуро,
Будто в чём-то виноват.

Отмахал – и не запнулся –
Пешим строем полземли...
А домой солдат вернулся –
Нет ни дома, ни семьи.

Нет стены, чтоб прислониться
У родного уголка.
И в колодце не напиться –
Как полынь, вода горька.

Задубел солдат, как в стужу.
День не тот, и ночь не та.
И грызёт кручина душу.
И на сердце пустота.

За солдатское за рвенье
Заслужил немного он:
Две нашивки за раненья,
Две полоски на погон.

Что постиг и что он понял,
Опалён войны костром?
Поднимал страну... И по́днял.

То, что живы мы сегодня, –
Помяни его добром.

Не Запад, а Восток

Нет слов случайных в русском языке.
И в каждом из бесчисленных созвучий,
В короткой фразе или же в строке
Глубокий смысл заложен, а не случай.

Но жизнь сегодня: без вранья – ни дня.
Подонки все приличия сметают.
Куда нас манит *Запад* – *западня*?
Силки усердно в петли заплетает.

Ложь нелегко от Правды отличить.
Двойных стандартов множатся гибриды.
И лезут человечество лечить
Уже не эскулапы – вши да гниды.

Заволокло дорогу в завтра мглой.
Заветы Божьи чахнут от эрозий.
Сочится запах с запада гнилой.
Дурные ветры к нам заразу носят.

Кто духом слаб, становится всё злей.
Всё это было много раз на свете,
Когда не находилось не земле
Хотя бы для сочувствия столетий.

Завязли думы во вчерашнем дне.
Ран отголоски снова кровото́чат.
Но нынче мы ответственные вдвойне
За то, что день наш стал чернее ночи.

За то, что дом наш – будто бы ничей.
Глаза с прищуром целятся из мрака,
Чтобы с размаху садануть ловчей,
На слабаков нагнать побольше страха.

Всё небо в тучах, и земля в дыму.
И вот глядят соседи исподлобья
От зависти к соседу своему,
Что точно так же закипает в злобе.

Но нерушимы наши рубежи.
Пожар войны когда-то допылает.
И радоваться горестям чужим
Обычай русский нам не позволяет.

Наш древний код – не Запад, а Восток.
А кто смотрит с надеждою на запад,
Не перейдёт пылающий мосток
Над пропастью – обрушится внезапно.

У русских сострадание в крови.
Оно вражды и выгоды весомей.
Источник нашей силы и Любви –
Лишь Правда, Милосердие и Совесть.

Разгонит ветер тучи впереди.
Настанут времена добрососедства.
Мечтой о том, что Правда победит,
Живёт народ российский с малолетства.

Жизнь без неё, как туесок без дна:
Проходят годы суетно и тошно.
Мечтою Русь и Верою сильна,
Что станет невозможное возможным.

У всех предназначение своё,
Свои заветы и свои истоки.
Но солнце, что бы ни было, встаёт
Для всех людей, как прежде, на Востоке.

И мы за Правду боремся не зря,
Надёжным верим дедовским приметам.
Восток – восторг. Когда взойдёт заря,
Жизнь новым днём продолжится и светом.

Любой ценой

Любой ценой, но нам нужна победа!
Любой ценой... Я слышал много раз.
За это столько выпито, и спето,
И сказано красивых громких фраз.

Любой ценой... И вестовой несётся.
И кровь кипит, играя, как вино...
Но ужаснётся утром даже солнце,
Встав после битвы над Бородино¹.

Не видел мир страшнее этой бойни,
Кровавее, безжалостнее, злей.
Лежали вперемешку люди, кони,
Насколько глаз хватало, на земле.

Пройдя парадным маршем пол-Европы,
Кутузова настигнув под Москвой,
Как в пень, упёрся в русские окопы
Наполеон упрямой головой.

Два неуклонных вектора движенья –
Цель и судьба у каждого своя, –

¹ *Бородино* – село недалеко от Можайска, в 100 км на запад от Москвы. Здесь 26 августа 1812 г. произошло решающее сражение Отечественной войны. Самое кровопролитное однодневное сражение.

Любой ценой, но выиграть сражение.
Любой ценой, но только устоять.

Пехота оцетинилась штыками,
И пушек рёв звучал на все лады.
Сверкала кавалерия клинками,
Выкашивая первые ряды.

Был двести лет назад такой обычай –
Сомкнув ряды, стоять на рубеже.
Кто побежал, тот – лёгкая добыча.
И каждый – превосходная мишень.

И в полный рост, не зарываясь в землю,
Не зная, кто кого переживёт,
Ты ждал, когда, как серп на жатве стеблю,
Тебе осколок сердце разорвёт.

И страху и отваге зная цену,
Как все в строю – не трус и не герой,
Здесь каждому убитому на смену
Вставал другой солдат, смыкая строй.

Победа мертвецов не воскрешала.
Ну что, солдат, теперь передохнём?..
И половина армии лежала,
Не отступив под вражеским огнём...

И батальоны brave, и роты
Шли на Москву. Но по́ семь раз на дню
Оказывались точные расчёты
Ошибочными прямо на корню.

Пей за победу, Бонапарт! Брависсимо!
Но он который день сидел угрюм.
И из Москвы слал Александру¹ письма,
И диктовал условия царю.

Он армии на бойню гнал, как стадо,
В вассалов государей превращал...

В России всё пошло не так, как надо...
Но праздника никто не обещал!

И, как купец в предчувствии наvara,
Он думал: Александру нечем крыть.
Царь должен для французского товара
В Россию двери настежь отворить.

Такой пассаж... Ну как не поглумиться,
Не показать характер свой и власть.
И он писал, что древняя столица
Ему беспутной девкой отдалась.

¹ *Александр I Павлович* – российский император (1801–1825 гг.).

Действительно, бесчестие и горе,
Обида и народная хула.
Был государь российский опозорен,
Но, уходя, спалил Москву дотла.

Захватчику Руси патриархальность
Грозилась не победой, а бедой.
Здесь становилась сном дурным реальность,
Итог разумных действий – ерундой.

Где караваи хлебные и ситцы?
И почему в переговорах сбой?
Наполеон готов был согласиться
На мир уже практически любой.

Ему Европа вся рукоплескала.
Ну и зачем в Россию было лезть?..
«Мне нужен мир! Во что бы то ни стало!
Мне нужен мир! Спасите только честь!»

В обратный путь и не парадным маршем,
От холодов страдая и стыда,
Шёл Бонапарт несолоно хлебавши.
Никто ведь и не звал его сюда.

И армия французов очень скоро,
Уже не промышлявшая войной,

В толпу голодных грязных мародёров
Преобразилась под Березиной¹.

И, как от гончих ошалевший заяц,
В России растеряв апломб и фарт,
Побитый и униженный, спасаясь,
Бежал в Париж «везунчик» Бонапарт...

Не уступив земли ни на мизинец,
В крови страну не бросил и в бреду,
Отечество крестьянин-пехотинец
Спас в восемьсот двенадцатом году.

Священная для патриотов дата.
И нынче – нерушимы рубежи...

Любой ценой стоять...

А для солдата

Цена всегда единственная – жизнь.

¹ *Березина* – река, правый приток Днепра. 14–17 ноября 1812 г. недалеко от Бобруйска у села Студёнки (150 км к юго-востоку от Минска) русские войска нанесли армии Наполеона окончательное поражение.

Отважный санинструктор

Кто истинный герой? Солдаты, полководцы?
Кого превыше всех отметила страна?
Кто в памяти людской навечно остаётся
И получил наград и почестей сполна?

Спроси фронтовика, – советский маршал Жуков¹
Без жалости бросал солдат в такой пожар,
Что плавилась земля. Но, страх свой убаюкав,
Штрафбаты шли на смерть, захватчиков круша.

Обучен на войне особенной сноровке,
Позицию врага штурмует легион.

Но истинный герой сражался без винтовки,
Поскольку убивать отказывался он.

Как полстраны, он был зачислен добровольцем,
Не показной герой, не ярый коммунист.
Но было от него гораздо больше пользы
Там, где в озноб бросал пуль и осколков свист.

¹ *Георгий Константинович Жуков* – маршал СССР, четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа», множества других советских и иностранных орденов и медалей. В послевоенные годы получил народное прозвище Маршал Победы.

Есть люди, чей хребет и воля крепче стали.
Таких зовёт судьба на подвиг, а не в рай...
Спасибо, что свои расстреливать не стали,
Нашили красный крест – и на передний край.

Как все, он воевал и не считал за доблесть
За раненым бойцом с носилками ползти.
Он шёл в крошечный ад, не умирать готовясь,
А чтобы чью-то жизнь в который раз спасти.

Шла неотступно мысль со смертью рядом:

«Вдруг да
Шальная пронесёт, и выберусь живым».

Сержант Семён Грецов¹,
 российский санинструктор,
 Был много, много раз под шквалом огневым.

Израненных солдат без счёта, без предела,
Без отдыха и сна, под яростным огнём
Он вынес на себе отчаянно и смело
И прикрывал собой во тьме ночной и днём.

¹ Семён Васильевич Грецов – участник Великой Отечественной войны, санитарный инструктор, единственный кавалер шести медалей «За отвагу», сержант медицинской службы.

Так жизнью рисковать – особое геройство.
И храбрость – как одна из нерушимых вер.
Обычный человек, других не выше ростом,
Героев вдохновлял и подавал пример.

За это и хранил его на фронте ангел,
От края отводил бездонных пропастей.
Он – маршалов главней в своём солдатском ранге,
Поскольку не стрелял, а лишь спасал людей.

Шесть раз был награждён медалью «За отвагу»
За то, что, не боясь, на выручку спешил.
Хоть и не брал Рейхстаг
с гвардейским красным флагом,
Великую войну в Берлине завершил.

Со-страдание

Каждому жизнь в ощущениях даётся,
Часто пронзающих мозг, как стрела.
Острою болью в душе отзовется
Неразделённой любви кабала.

Будто наказаны горькой судьбою,
Слёзы роняя, жалею себя.
Криком рождение встречаю и болью.
В путь свой последний уходим, скорбя.

Счёт потеряв безнадёжным утратам,
Мир изнемог от обид и вражды.
Боль – получить что-то *боль-ше*, чем надо.
Лишнее – то, в чём не терпишь нужды.

Лиш-нее часто причина *лиш-ений*
Тех, кто скупой судьбой обделён.
И, очумев от базарных сражений,
С голых мы рьяно три шкуры дерём.

Кто-то на зависти к ближним помешан.
Все, кто успешней, такому – враги.
Мерить *боль-шое* бессмысленно *меньшим* –
Только *разменивать* на пятаки.

Горе чужое замешано жидко.
Мало кто, хапнув чужое, прозрел.
Взять *шибко* много – не доблесть, о-*шибка*.
Кто захотел больно много – с-*горе*-л.

Горе-чью, нерастворимым осадком
Будет болезнь – знак скорбящей души.
Стать бы терпимей к чужим недостаткам
Или к нелепым изъяснам чужим...

Великодушный – душою не мелкий,
Кто озабочен не только собой,
Кто, уцелевший едва в переделке,
Раны чужие врачует и боль.

Без сострадания жизнь так убога.
Рай без сочувствия – хуже, чем ад.
Великодушия в жизни не много.
В *жало*-сти спрятано *жало* и яд.

Слава героев былых обветшала.
Мало кто нынче с пути не свернёт.
А *пожалевший* себя будет *жало*-к,
Полною чашею горя хлебнёт.

Сердце к чужому страданию глухо,
Коль самому не пришлось пострадать,
Боль превозмочь и возвыситься духом,
Ближе к *горе* или вровень с ней стать.

Жертвенность – высший закон мироздания.
Кто соболезнует – с ним заодно.

Не сокращая людские страдания,
К лучшему мир изменить не дано.

Когда-нибудь наступит завтра

Когда в преддверии грозы
К богам обращены молитвы,
В них – боль, надежда и призыв,
Раскаянье и горечь битвы.

О, сколько человек вложил
В них покаяний и проклятий!
И кто бы что ни совершил,
Он в свой черёд придёт к расплате.

Но часто, уступив греху,
Мы так хотим быть наконец-то
Услышанными наверху,
Чтоб в жизни встало всё на место.

И, не признав своей вины,
Спешим спастись от наказания.
В день завтрашний обращены
Все наши мысли и желанья.

Приносим клятвенно обет,
Взлетев молитвой к поднебесью,
Чтоб встретить завтрашний рассвет
Не с пагубной, а с доброй вестью.

С мольбой в грядущее глядим
И только в Бога-Завтра верим.
Он вечен и неотвратим,
Как путь, что каждому отмерен.

Он – Бог предчувствий и тревог,
Надежд, мечты и лучшей доли.
Он за грехи простить бы мог.
Быть может, завтра соизволит?

Его, бывает, я корю
За бедствия мои и раны.
Простолюдину и царю –
Бог всем принадлежит на равных.

Но от жары или от стуж
Во многих головах – разруха.
Сплелись дыханье светлых душ
И завыванье мрачных духов,

Благих или дурных вестей
Предчувствие – как крыльев трепет –
То скрежет дьявольских когтей,
То ангельских младенцев лепет.

Живём как будто бы в гостях.
А гость, он в доме не хозяин.

И для него пожар – пустяк,
Чужой ущерб неосязаем.

Обычай подурнел мирской.
Беда – не от стихийных бедствий,
Она от подлости людской,
От жадности, вражды и мести.

В чужую голову не влезть,
Что от сочувствия отвыкла.
И злобы тяжкая болезнь
Так глубоко в людей проникла.

Чем больше благ, тем люди злей.
И что за дьявол ополчился
На мир в свирепости своей?
Иль Бог от падших открестился?

Как выбраться из западни
От тех, что день за днём звереют?
Ждать, что раскаются они
И, осознав вину, прозреют?

Но, видимо, настал предел.
И надо мужества не меньше
Для совершенья добрых дел,
Чем для борьбы с пороком злейшим.

И что важней, пора решить.
Когда уже, собравшись с духом,
По совести не станем жить,
Мозгами думать, а не брюхом.

Ведь Честь важнее, а не мзда.
Добра и зла увидим цену.
Бог милосердия тогда
Жестокости придёт на смену.

И нам понять пришла пора:
Зло всех пороков ненавистней.

Творится силою Добра
Спасение Земли и Жизни.

* * *

Вражды и лжи развеем муть,
Не веря проходимцам слепо.

Пусть даже кажется нелепым
Единственный к спасенью путь.

НЕБО В НИЦА ЛЕСТ-

*Есть высший смысл жизни нашей –
Любить и делать землю краше
В своём краю – не где-то там.*

*Как завещали дед и прадед,
Построить дом, где места хватит
Всем нам – и детям и дедам.*

Лестница в небо

Мне не спалось. И я часами
Лежал с открытыми глазами
С полночным миром заодно.
Хотелось в темень окунуться,
Мерцающей звезды коснуться,
Встать, настезь распахнув окно.

Под ветром времени, как дюны,
Текли неторопливо думы.
И ночь без сна была длинна.
Звезда горела в жуткой выси,
Недосягаемой для мысли.
Одна звезда. Всего одна.

Шагнуть хотелось прямо в звёзды.
И это, чудилось, так просто,
Как будто – крылья за спиной.
От вещих снов очистить память.
Без сожаления оставить
Всё то, что нелюбимо мной.

Перемешались быль и небыль.
Вела как будто прямо в небо
Крутая лестница. Она

Во тьме угадывалась смутно.
Звезда в потёмках бесприютно
Чуть теплилась. Всего одна.

Я поднимался по ступеням
Звезде навстречу с нетерпением.
К утру разъяснело чуть-чуть.
И где-то за полярным кругом
По небу, как за звёздным плугом,
Шёл бороздою Млечный Путь.

Земля с рассветом оживала.
И мне ладони согревала
От солнца тёплая сосна.
Но даже днём на небе ясном
Звезда заветная не гасла –
Была отчётливо видна.

И к ней, как к сказочной жар-птице,
Приходит срок – душа стремится,
Как в этой жизни ни кружись.
Я понял явственно и зримо:
Бесценна и неповторима
Звезда немеркнущая – жизнь.

И высший смысл жизни нашей –
Любить и делать землю краше
В своём краю – не где-то там.
Как завещали дед и прадед,
Построить дом, где места хватит
Всем нам – и детям и дедам.

И, если надо, сердце вынуть,
Второстепенное отринуть,
Как хлам, забросить за плетень.
Какой бы ни был – зимний, летний –
Жить каждый день не как последний,
А как единственный свой день.

Дать внукам имена и опыт,
Что весь мой род для них накопит,
И шанс подняться в высоту.
После бессонной тёмной ночи
Счастливых лет им напроорочить,
Зажечь для каждого звезду.

Зарождение жизни

Ни стога, ни вскрика. Безмолвно стою.
Нежданно мне времени ветер
Открыл сокровенную тайну свою –
Важнее других всех на свете.

Как будто бы мир изменился в лице,
Вернувшийся к первопричинам, –
В зародыше, семени, злаке, яйце –
Всё слито в начале едином.

Нет звуков ещё, ни цветов, ни имён
В ещё не начавшейся жизни.
Спрессованы в атом, все грани времён
Всю ночь стерегут рубежи с ним.

Он был опалён первородным огнём,
Повенчан кольцом обручальным –
Истекшее время встречается в нём
Со временем первоначальным.

Зародыш, пройдя через тайный обряд,
Едва шевельнулся и ожил.
Взрывная энергия сжата в заряд,
Что бережно в почву положен.

Ещё не имеет ни свойств, ни примет
Росток, что едва шевельнулся.
Заря пробудилась, и солнечный свет
Земли на рассвете коснулся.

Творил увлечённо Создатель в ночи,
Встречая ростка зарождение.
От зыбкого пламени дальней свечи
Качались пугливые тени.

Земля на нейтральной ещё полосе
Насытиться светом спешила.
Все признаки, краски, обличия все
Природа в росток заложила.

Живительной силы в начале пути
С избытком – азарта и света.
И сколько бы ни было лет впереди,
Нам надо всё в мире изведать.

Так часто нам хочется наперекор
Упрямо идти против ветра.
Топорщится юности дерзкий вихор.
Наивна в бессмертие вера.

Так часто подросток по жизни ведом
Эмоцией, яростью даже.
Кидается в бой сгоряча, напролом,
Не думая, что будет дальше.

Всё круче подъём. Всё бездоннее рвы.
Усталость желанья остудит.
Ничто не останется прежним, увы,
Лишь жажда добраться до сути.

Вершины, чем выше, трудней покорять.
Года принимаю покорней.
Свой род, как избу, по бревну собирать
Спешу – все колена и корни.

Отмерено время на точных весах
С рожденья до крайнего срока.

Прощаясь друг с другом, уходим назад
В другие миры и к истокам.

Туда, где обновляется душа

Почернел небосвод над скалой.
Потускнели цвета во Вселенной.
Грянул гром. Колуном расколол
Плотный зной, как сухое полено.

Под ногами просела земля.
Небо дрогнуло, будто в испуге.
Разом сбросили пух тополя.
Всё живое притихло в округе.

Чертит в сумраке огненный перст.
С дикой силой, неистово яро,
Тяжким грохотом глыба небес
Разразилась внезапным ударом.

Закатилось светило в овраг.
Дрожь прошла по сосновым иголкам.
Уплотняя полуденный мрак,
Вихрем пыль поднялась над просёлком.

И обрушился ливень стеной.
Голых скал стал опаснее гребень.
Ярких молний цветок неземной
Лишь на миг распустился на небе.

Лишь на миг потемнело в глазах.
И уже, подгоняема ветром,
Отшумела, промчалась гроза,
Как всегда, скоротечная летом.

Ярче яркого солнечный луч,
Как послание миру от Бога.
Белый свет, что на радость живуч,
Оживил всё в мгновение ока.

Стали вдруг небеса высоки,
Поредели, растаяли тучи.
У широкой и чистой реки
Среди сосен и кедров могучих.

И гроза миновала едва,
Солнца луч принимая как милость,
В каплях вся, оживала листва,
Заблестела и зазолотилась.

Ливень смыл паутину и сор.
Стал прозрачнее воздух и чище,
Мысль яснее и пристальней взор.
Звонче хор жизнерадостный птичий.

Подушавши полжизни плутать,
Мы горюем в преддверии ада.
А такая вокруг благодать
На земле, что и рая не надо.

Нет нужды здесь лукавить и врать.
Светлый мир не оставит надежда,
Что живым ни к чему умирать,
Если будет душа безмятежна.

Уснуло всё

Уснуло всё. Деревья и дома.
Всё в забытье наитием ведомо.
Мир крепко спит. И снежная зима
Окутала всю землю полудрёмой.

Ночь шепчет глухо: про дела забудь.
Дорога пьяно тычется в сугробы.
Лишь ветер, выбирая лёгкий путь,
В ветвях берёз прокладывает тропы.

Снега неслышно хлопьями летят,
Всем и повсюду прикрывая веки.
И инеем покрыты, шелестят
Почти неслышно тоненькие ветки.

Свечи огарок тлеет на столе.
Сверчков запечных замолкают трели.
Дымы печные стелются к земле,
Что крепким сном забылась до апреля.

Так далеко, так долго до весны.
Там, где кругом снега, рассудок дремлет.
Пророки спят, уснули ведуны.
И спор добра со злом затих на время.

Сгустился мрак, как налитой свинцом,
В глухих углах и избах – гуще тени.

Спит дед дремучий, поскорбев лицом,
Видать, не ждёт добра от пробужденья.

Не зная, на кого и уповать,
Он, как в туман, ушёл в свою замшелость.
Отчаявшись с неправдой вековать,
Надсаженное сердце изболелось.

Укрыто дрёмой от вершин до пят,
Застыло время в ельнике, покуда
Спят лиходеи, праведники спят,
Надеясь лишь на Бога и на чудо.

Спит небо, не жалея ни о ком.
Лишь потому мир нерушим и прочен.
Притихла печь, мерцающая угольком,
Устав трещать поленьями полночи.

Где испытаньям тяжким несть числа,
Под равнодушным ледяным покровом
Спят русские, не помнящие зла,
В краю необозримом и суровом.

Пусть эта ночь безбрежно велика.
И горю сострадать душа устала.
Жизнь на Земле не кончилась пока.
Рассеется и эта хмарь помалу.

Игра со смыслами

Играют все от мала до велика.
Так мир устроен. Даже жизнь – игра.
Там, где большие ставки, правит Лихо
И правила меняются с утра.

Здесь важно всё – везенье, знаки, числа
И светлый ум, и волевой настрой.
Без ясной *мысли* не бывает *смысла*.
Наоборот случается порой.

Всё в мире – лишь игра воображенья,
Случайных мыслей бесконечный бал.
Игра – забава, хохма, раз-*влеченье*.
Увлёкся раз, *втянулся* – и пропал.

Удачи миг, заигрывая, жалит.
С пути собьёт, запутает *туман*.
Игра азартных *мáнит* – искушает,
Заманивает простофиль в *обман*.

Не дай себе игрою *обмануться*,
Загнать себя и затравить, как дичь.
От неудачи надо от-*толк*-нуться –
Взять в *толк*, что можешь большего достичь.

На чьих весах имеешь больший вес ты?
Кого играешь, вслух произнося

Заученные, но чужие тексты,
Стремясь попасть, куда тебе нельзя?

Здесь так легко до края доиграться,
Пусть даже выйти в дамки повезло.
Ведь Первые не любят самозванцев
И всыпят им по первое число.

Чтоб победить в игре, нужна сноровка
И *лов*-кость рук, и навыв говорить.
А в *слове* есть *у-слов*-ие, *у-лов*-ка,
Чтобы ловчее дурня обхитрить.

Играть словами – *с-клад*-ывать по букве
И находить доселе скрытый *клад*:
Ловить оттенки, образы и звуки
В надежде разбудить к игре талант.

Но *с-лож*-енное очень часто *ложью*
Покажется и *бредом* стать спешит.
А мы опять *бредём* по бездорожью,
Пытаясь всё же не играть, а жить.

Когда уже не понимаю, где я,
Куда, в какую сторону гребу,
Единственно достойная затея –
Играть и так испытывать судьбу.

Толпы капризной завладеть вниманьем,
Легко скользя по лезвию ножа,

Стать выше тех, кто затаил дыханье,
Смешить – былое с небылью *смешать*.

Потеха неожиданные грани
Откроет, пробуждая добрый смех.

Ребёнок смехом душу не поранит.
Его забава детская – для всех.

По-доброму шучу я с тем, кто чуток,
И веселю друзей в своём доме.
Ну а порой бывает не до шуток,
Когда смешно кому-то одному.

Немного образумиться пора ведь,
На мир шутя, а не скорбя смотреть.
Смеётся тот, кто *смéет* ся исправить.
Без смеха жить – от скуки умереть.

Ошибок глыбы в сторону сдвигая,
От ложных смыслов очищая путь.

Душа *поёт* и *терпит*, постигая
В *тер-пени*и
Игры и Жизни суть.

Когда дыхание перехватит

Нам улыбается нечасто
Удача – случая сестра.
Недолг век Большого Счастья,
Как сон короткий у костра.

Порой оно фонтаном било,
Когда рвалась в полёт душа.
Дыхание перехватило.
Мир замер. Дальше – сам решай:

Облечь восторг в какое слово
Или на память отложить.
На выдохе вернётся снова
В обыденное русло жизнь.

Чтоб вспоминать потом украдкой
Тот миг и всё, что было в нём.
Непостижимая загадка –
Жить монотонно день за днём

И не искать удачи, нервно
От предвкушенья трепеща.
И радоваться ежедневно
Простым, естественным вещам,

Хранить незыблемо основы
И со спокойною душой
Знать, что все близкие здоровы,
Что у детей всё хорошо,

Что будет солнечно в апреле,
И в свой черёд – черёмух цвет,
Ждёт выходной в конце недели
В кругу семьи. И – горя нет.

Пусть это счастье меньше чарки,
Ценить его не устаём,
В лесу гуляя или в парке
В погожий ясный день вдвоём.

Глаза согласиём лучатся,
Уходит хмарь, и тают льды.
Так уязвим кораблик счастья
В пучине посреди беды.

Я с этим счастьем не расстанусь.
И нет нужды другого ждать,
Года свои приняв как данность,
Как дар судьбы и благодать.

Что до годов преклонных дожил,
Благодарю судьбу. Уже
Есть время делать то, что должен,
И время – то, что по душе.

Мерило счастья в мире есть ли?
Ответ верней искать вдвоём.
Мир так устроен, даже если
Мы это не осознаём.

И мыслей этих отголоски
В чертах возлюбленной видны,
В таких, казалось бы, неброских
Глазах особой глубины.

С моим её созвучен голос.
И я на этот зов иду,
Чтобы сплелись душа и образ
И были помыслы в ладу.

Пусть ноша тяжела земная,
Но счастья формула проста:
Мы день свой каждый начинаем
Вдвоём – как с чистого листа.

Воплощение Мечты

Мечта моя – застрявший в камне меч.
Освободить её не так-то просто.
Она способна до кости обжечь
И на ветру рубцуются коростой.

Чтоб побеждать, а не плестись в хвосте,
Что брать в расчёт и формулы какие
Помогут мне приблизиться к мечте,
Пока не разлетелся на куски я?

Невероятна, призрачна она,
Невидима и нематериальна.
В случайных снах порой едва видна,
И то – лишь знаки подаёт прощально.

Как слабый распознать её призыв,
Чтобы она надежды воскресила?
Чтоб стали ощутимее в разы
Желания, намеренья и силы.

Ум и талант – не ключ к её двери.
Богатство – не гарантия успеха.
К мечте не приведут поводыри,
На тройке к ней по тракту не доехать.

Её запрограммировать нельзя.
И логики формат для чуда тесен.
Наскучило мне, небесам грозя,
На чердаках о невозможном грезить.

Жить так, как я хочу, мешает страх.
И велика опасность ошибиться,
С дороги в ров слететь на всех парах,
Плыть не туда или не с тем напиться.

Себя и близких разочаровать,
Потом с позором снисхожденья кланяться,
Без сил, без воли падать на кровать.
Когда советчик страх – не жди удачи.

Как оживить мечту из вещей снов?
Искать забвенья или поле битвы,
Секреты заклинаний ведунов,
Алхимию иль магию молитвы?

Но хоть тонка связующая нить,
Способно гору с места сдвинуть слово,
Создать реальность или изменить,
Запреты снять, внушить надежду снова.

Наказ заветный сам себе прочту,
Чтобы потом объёмно и построчно,
Осмысленно желанную мечту
Словами ярко выразить и точно.

Законы воплощения просты:
Решил построить дом – повесь картину.
Там нарисован дом моей мечты,
И рядом с ним я посадил рябину.

И всё. Не надо мысли торопить –
Для них открыты двери мироздания.
Есть точка – цель
и гвоздь, что надо вбить.
Всё остальное – дело подсознания.

Произнесённых слов безмерна власть.
И я, предвосхищая миг победы,
Представил, что мечта уже сбылась,
Запомнил, распознал её приметы.

Из будущего явственней видны
Те, что заметны были еле-еле.
И глядя на себя «со стороны»,
В день завтрашний я путь перенацелил.

Лишь *лучший* попадает точно в цель,
Ловец удачи зыбкой – меткий *лучник*.

И я ушёл за грань и параллель,
Нечаянный везунчик, а не мученик.

День отмечая новым рубежом,
Все страхи из себя по капле выжал.
За шагом шаг к заветной цели шёл,
Глядел вперёд и стал к мечте чуть ближе.

Начав пусть даже с чистого листа,
Встречаю с оптимизмом день грядущий.

Мечты лишь стоит замесить погуще,
И время всё расставит по местам.

Серебряный луг

Через росные травы густые плыву.
Небосвод облаками заплатан.
Под ветвями берёз упаду на траву
В затухающих красках заката.

Что-то я подустал – не поднять головы.
Надо мной перелесков хоромы,
Под мелодию ветра и шёпот листвы
Погружаюсь в зыбун полудрёмы.

Каждый запах и звук, до размеров громад
Вырастая, заметно крепчает.
Придорожной полыни густой аромат
Тёплый вечер над миром качает.

Даль багряным огнём закипает вдали.
Недалече, тонки и неброски,
Буйством зелени радуя землю, взошли
Самосевки берёзы-подростки.

По янтарной сосне луч прощально скользит.
Свет и звуки всё мягче и глуше.
Хоровод златокудых подружек-осин
Краем рощицы медленно кружит.

Чудной небылью давней покажется быль.
Лёг на травы серебряный иней.
Белопенными волнами ходит ковыль
Здесь с начала веков и поныне.

Ветер будто бы гривы коней теребил.
Трав медвяных соцветья качались.
Остропёрыми листьями ветки рябин
Будто с днём уходящим прощались.

Здесь мне дышится легче, поётся вольней,
Краски – радугою семицветной.
Очарован оттенками полутеней,
Далью призрачной, думою светлой.

Кем всё так по-отечески заведено,
Ко всему с материнской заботой?

Всё, что нужно для счастья, уже нам дано –
Жизнь
и Чудо единства с природой.

Над облаками

Время катится веками
В новый день издалека.
Мы летим над облаками.
Ветер гонит облака.

Полюса – и те в движеньи,
И магнитные поля.
Не уймёт своё круженье
Вечный двигатель – Земля.

Словно лёгкие седины
На висках былых веков –
В белых перьях лебединых
В небе крылья облаков.

Яркой радугой в полнеба
Улыбался небосвод.
Взаперти сидеть – нелепо.
Жизнь не ждёт. Пора в полёт.

Без особых дел спешу я,
Будто кто уговорил,
Через всю страну большую
От Смоленска до Курил.

Разогнулся, распрямился,
Точно гору скинул с плеч.
Посвежел, примолодился,
Покатился солнцу встречу.

Света с тьмой сомкнулись грани.
Где-то тренькал коростель.
В дальней дали за горами
Розовел, рождаясь, день.

Мир раздался и раскрылся,
Ветром травы причесал.
Синевой денёк искрился
И сверкал-слепил глаза.

И в душе менялось что-то,
И звенело тетивой.
Ощущение полёта
Накрывало с головой.

Торжество и буйство света,
Притяжение высот.

Поднимаюсь против ветра.
Ухожу за горизонт.

Тройная уха

В тройной ухе чтобы стояла ложка,
Рецепт известен издавна везде:
По очереди разную рыбёшку
Варить, пока бульон не загустел.

Традиция для многих поколений.
Житейский опыт, навык и урок.
Шагаю не по царскому велению
Одной из многих непростых дорог.

С азов и подмастерьев начиная,
Впитал в себя глубинный дух родства –
Насыщенные, как уха тройная,
Свод знаний и секреты мастерства.

В иных делах надёжней по старинке
Рубить с плеча, а не читать мораль,
Прокладывая новые тропинки,
Осваивать неведомую даль.

Капризной и изменчивой удаче
Научится не всякий угождать.
Чем мир вокруг сложнее, тем богаче
Житейский опыт он способен дать.

Среди людей я, как в лесу, аукал,
Учителя не зная своего.
Быстрее всего, когда был загнан в угол,
Я постигал то, что нужней всего.

Своим умом, терпения набравшись,
На собственных ошибках и чужих,
О косяки лоб разбивая в раже,
Учился у людей и дел больших.

Наставники, бедового такого,
Когда-то надоумили меня
Исправить то, что сделал бестолково,
Шаблоны и маршруты поменять.

Как дальше жить? Найти себе образчик
Хоть в двадцать пять, хоть в пятьдесят годов.
Но стоящий учитель, настоящий
Придёт, лишь если ученик готов.

Не ради скоморошества и зрелищ
Заварен в трёх котлах Иван-дурак,
Чтоб вышел из него Иван-царевич,
А не побитый жизнью вертопрах.

Взрослеем мы не сразу и не скоро.
Кем были наши деды в двадцать пять?

Отцами, полководцами, опорой.
И кем мой внук когда-то сможет стать?

В своём, быть может, важном деле первым,
Перед отцом и матерью в долгу.
И, вдохновляя собственным примером,
Встать на ноги я сыну помогу.

Окрепнуть духом, обрести опору,
Стать выше ростом и самим собой.
Не ждать подачек у чужих заборов.
И промышлять не праздной похвальбой.

Из общества занудных пессимистов,
Где могут лишь давить на тормоза,
Рвануть туда, где дух борьбы неистов,
Быть там, где у людей горят глаза.

Примером их и духом заразиться,
Попасть в поток, поймать движение вверх.
Однажды самому преобразиться
В того, кому сопутствует успех.

Идеи черпать, как уху тройную,
Из гущи полновесным черпаком.
Не проклипать свою судьбу дрянную,
Хоть будучи Иваном-дураком.

Из февраля в апрель

Мы шли вдвоём из февраля в апрель
Сквозь межсезонье мартовской погоды.
То тут, то там – проталин акварель,
В снегу – ворон и голубей наброды.

Мир был как будто заново рождён.
Процежен через солнечные марли,
Прозрачен чистый воздух и студён.
И мы его как данность принимали.

Был мир наполнен звуками весны,
И ветер струны натянул до звона.
Овеянная запахом лесным,
Ворочалась земля под снегом сонно.

Пронизанные светом до основ,
От инея сверкали ветки клёна.
И, как впервые, пробивал озноб,
Когда смотрел на мир я удивлённо.

На переломе стужи и тепла
День солнечный был лучезарно светел.
Любимая со мною рядом шла.
Куда? О том никто не знал на свете.

Перевернув песочные часы,
Весна врывалась в нашу жизнь с разбегу.
Был создан мир из утренней росы,
Из ручейков, соединённых в реку.

День соткан был из солнечных лучей,
Из радуги переплетённых бликов.
Сияло небо в тысячу свечей
Бездонно, необъятно, многолико.

У всех предназначение своё –
У звёзд, у неба, у земли и моря.
Под этим небом мы с тобой вдвоём
Идём по жизни в радости и в горе.

Мы рядом, и меж нами жизнь-река,
То полноводна, то покрыта льдами.
У рек других – другие берега.
А мы – всё ближе и родней с годами.

Всё – для тебя сегодня и потом.
Всё от тебя – и ласки, и размолвки,
И нежный взгляд, и безразличный тон,
И поцелуй порывистый, недолгий.

Простой секрет понять мне помоги:
Что счастье – это светлый день весенний,

Хлеб – на столе, и не гнетут долги,
И жизнь – без катастроф и потрясений.

Вновь после ночи я рассвета жду
И верю – всё на свете поправимо,
Чтоб радоваться солнцу и дождю,
И редкостному счастью – быть любимым.

Как берега повязаны рекой,
Так мы срослись, о том не зная сами.
И прикоснуться хочется щекой
К родному солнцу с карими глазами.

Весна надежду каждому несла,
И новые рассветы, и закаты.
Приметам добрым не было числа.
Из февраля в апрель со мною шла ты.

Легка походка и душа твоя,
Как дуновение солнечного ветра.

Две силы, две основы бытия
Всегда со мной – твоя любовь и вера.

Недолог день, и времени – в обрез,
Чтоб для тебя звезду достать с небес.

Творить Добро

Накопить нельзя Добро, как деньги.
Жертвуя собой, Добро творят.
Встав над сундуком на четвереньки,
Тёмный идол свой вершит обряд.

Вечно подозрителен и жаден,
Страхами-тревогами томим,
Чахнет над имуществом стяжатель
И в итоге сгинет вместе с ним.

Алчность, как недуг, гнетёт и горбит.
С ней не жить стремятся, а иметь.
Тот, кто копит *скарб*, пребудет в *скорби*.
Душу *оскорбив*, торопит смерть.

Одержим, на мир взирает злобно
Крохобор, считающий гроши.
Страсть к деньгам бесплодию подобна.
Скупость – оскпление души.

Скопидома незавидна участь:
Образ свой на *части* разделив,
Он, как сундуки в тайге дремучей,
Прячет от себя и всех вдали.

Вещи, как большие величины,
Властвуют всё больше над людьми.
И уже не *Личности* – *личины*
Исполняют слепо волю тьмы.

Вездесущей мировой религией
Стало поклонение вещам.
Обделённый – *лишний* и *безликий*,
Брошен всеми тот, кто обнищал.

Общество стяжателей всесильно,
Искушает каждого из нас.
Образа лишённый – *образина*
Напрочь в накопительстве погряз.

Происходит *ценностей* подмена
Незаметно, будто бы во сне.
То, что в жизни истинно и *ценно*,
Искажаясь, падает в *цене*.

Слово Правды пролетает мимо,
Как старьё, истрёпано до дыр.
Истина меняется на мнимость,
Извращаясь, усложняет мир.

Превращает прибыли в утраты
И в осколки – добрые дела.

Всё, что *с-ложно*, – далеко от Правды.
И от сути дальше – больше зла.

Кто-то покаянием спасётся.
Но судьба не каждому прозреть,
Жизнь свою, как воду из колодца,
Исчерпав всей *мерой, умереть*.

Станет прахом, зыбкой смутной тенью
Стерегающий злато у ларца.
Лишь Добро *причастно Со-творенью*,
Часть и суть всевышнего *Творца*.

Доброта наш мир несёт над бездной,
Пусть она и меньше воробья;
Образы, что канули в неизвестность,
Возвращает из небытия.

Срубит дом себе и людям плотник.
Сеет хлеб крестьянский сын и жнёт.
Совершит ради любимой подвиг
Тот, кто не для *кóрысти* живёт.

Наша жизнь, увы, несовершенна.
Чаще не дорога – колея.
В роскоши и щедрости душевной
Ищем тайный смысл бытия.

Простофили мы – не мироеды.
Чтим обычай, нищим подаём.
Вечной жизни нам секрет неведом, –
Дал бы Бог сполна прожить своё.

*Отворяю Душу добрым словом,
А не дверь с размаху топором.
Всем делам со-чувствие – основа.*

Я живу, пока *творю* Добро.

Эверест

Что там, в далях небесных? – Сомнение гложет.

Кто сказал, что в раю зеленеют сады?

Если ад – это пекло, где мрак...

то, быть может,

Рай – сверкающий холод, где солнце и льды.

Потому одержимые, в путь собираясь,

Уходя из обжитых, насиженных мест,

Поднимаются в горы – преддверие рая,

Где ступень наивысшая – пик Эверест.

Неприступная крепость, блистательный замок

Очарует навек и отнимет покой.

Горы тех выбирают, отчаянных самых,

Кто осмелится неба коснуться рукой.

Дотянувшихся взорами до окоёма

В этот сказочный мир неизбежно влечёт.

Где-то там, на седьмом¹ километре подъёма,

Начинается жизни обратный отсчёт.

¹ Длительное пребывание на экстремальных высотах более 5800 м опасно для человека. Болезненное состояние поднявшегося на значительную высоту наступает вследствие гипоксии – высотной болезни (недостаточного снабжения тканей кислородом) – и проявляется значительными изменениями во всех органах и системах человеческого организма: учащение пульса,

Высота не щадит тех, кого возносила.
То рассвет, то закат к непогоде багров.
С каждым шагом наверх истощаются силы.
С каждым вздохом всё медленней движется кровь.

Ветер иглами льда обжигает аорты.
Цепенеют суставы. Тускнеет азарт.
Уходя в эту облачность, каждый четвёртый
Станет данью горам – не вернётся назад.

Кто решил отдохнуть, посидеть без движенья,
Остаётся во власти ледовых оков,
Доходя до последнего изнеможенья,
От вершины в какой-нибудь сотне шагов.

Поколениям на смену идут поколения.
Но оставшийся здесь не считает года.

сердечная недостаточность, приступы удушья или даже временная остановка дыхания во сне, неадекватность поведения (озлобленность, эйфория), а также плохая координация движений, заторможенность и спутанность сознания, вплоть до полной его потери, галлюцинации, обезвоживание организма. На высоте более 8000 м, в так называемой «зоне смерти», организм для обеспечения собственной жизнедеятельности тратит больше энергии, чем может её получить от внешних источников (питание, дыхание и др.). К тому же при большом морозе скорость протекания патологических процессов очень велика, например, развитие отёка лёгких или головного мозга может вызвать смерть пострадавшего уже через несколько часов.

Успокоенно руки лежат на коленях.
Немигающий взгляд устремлён в никуда¹.

Он уже навсегда породнился с горою,
Оболочкой прирос и душою приник.
Горы первых из нас превращают в героев,
Оставляя себе самых лучших из них.

Ах, как хочется мне, уходя, обернуться.
Пусть проклянется солнце, ненастье пройдёт.
Верю, все, кто ушёл, непременно вернутся,
Отпросившись у Вечности.
Рай подождёт.

И срываясь, и падая, не унимаюсь,
Даже если сомнителен шанс на успех.

Оступиться не стыдно, наверх поднимаясь.
Стыдно лишь не пытаться подняться наверх.

Поднебесные кряжи стоят нерушимы.
Но сомненья отбросим как тягостный груз.
Тем, кто духом не слаб, покорятся вершины.
Есть у каждого свой Эверест и Эльбрус.

¹ Почти на самом верху Эвереста «сидит» Дэвид Шарп, который не дошёл до вершины в 2006 г.

Город-взрыв

«Сытая, пьяная, сонно-ленивая,
Смысла лишённая, скучная глушь».
Будто пылью поросшая нива.
Скопище пыльных домишек и луж...

Видимо, зуб на кого-то имевший
Или от тряской дороги устав,
Так отзывался писатель¹ проезжий,
Облика города не разгадав.

Не обижаясь на реплику эту,
Встал за железнодорожным мостом
Город, недавно явившийся свету.
Укоренился на месте пустом.

Нынешним нам, импульсивным и нервным,
Не докопаться и не угадать,
Замыслом чьим, и великим, и верным,
Городу предрешено расцветать.

Не на кусту придорожном колючка –
Вырос он как работяга и спец.

¹ Образ писателя отсылает к роману И. Эренбурга «День второй» (1934 г.) – несколько эпитетов о Новосибирске.

Город-ремесленник и самоучка,
Авантюрист, забияка, купец.

Что-то витало в его атмосфере –
Новых возможностей запах и звук.
И открывались для каждого двери –
Был бы старателен и не безрук.

Город – надежда устроиться лучше.
Диких сибирских краёв красота.
Шанс долгожданный. Оказия. Случай.
И непременно – о счастье мечта.

И, захмелев от невиданной шири,
Где за верстою мелькает верста,
Хлынул бурлящий поток по Сибири
Переселенцев на эти места.

Польза от предпринимательской жилки
Быстро отыщется. Только покличь!
Строились мельницы и лесопилки,
И обжигался из глины кирпич.

И не узнать захолустье вчерашнее.
Столько он дум и талантов впитал!
Вырос и выбрался из заовражья.
Силы и веру в себя обретал.

Город-старатель, народ-самородок.
Яркий характер, особый размах.
Сибиряки – коренная порода,
Высшая проба в делах и умах.

Город – талантливый выскочка, гений.
Творческий всплеск, созидательный взрыв.
Не опустел после всех потрясений,
Небом своим наши судьбы укрыв.

Технологичный, мобильный, рисковый,
Время сумевший само обуздать,
Новосибирск, я твой правофланговый,
Если прикажешь в ряды твои встать.

В миг мой последний позволь обернуться.
Список открытий моих подытожь.

Лет через сто я хотел бы вернуться,
Чтобы увидеть, как ты расцветёшь.

Сила и слабость

Мой дом открыт для добрых новостей.
И голосу любимой внемлет ухо.
С надеждой от отца своих детей
Ждёт мужества жена и силы духа.

Он и она по-своему сильны,
Друг друга дополняют в чём-то каждый.
Как муж живёт вполсилы без жены,
Так и она одна томится жаждой.

Нам каждый день приходится решать:
Сжать кулаки или ослабить хватку.
Удачу силой трудно удержать
Или разгул стихий призвать к порядку.

Пустое дело – на судьбу пенять.
В единстве сил и слабостей так зримо,
Так явственно пришла пора понять,
Что жизнь бесценна и неповторима.

Тайна

Тайна эта жжёт уста.
Зубы сжав, безмолвствую.
Как нательный крест, проста
И не напоказ.
Прячу даже от себя,
Словно саблю острую,
Будто спьяну жизнь губя
В самый горький час.

Завязал огонь узлом,
Пробежал по краешку.
Словно пеплом, душу злом
Подпалил, обнёс.
Тайну эту, хороня,
Раскатал по камешку.
Без неё, как без тепла,
До кости промёрз.

Тайна как последний срок,
Как оброка выплата.
Тайну эту я берёг
И от всех скрывал.
Не слышал бы глухой,
Да немой не выболтал,
И разбойник бы лихой
Не уворовал.

И надежда в ней, и боль
Вперехлёст повязаны,
В ней безбрежная любовь
И бездонный мрак.
Убаюкала меня
Липами да вязами,
Схоронив печали дня
Меж корней в овраг.

В ней – спасение моё
Или тяжкий крест она?
На погосте вороньё
Иль иконостас?

Тайна, как благая весть,
Быть должна божественна.
Если Бог, конечно, есть
И ему до нас.

Жизни вольная река
Вдаль куда-то катится.
Расступились берега.
Сосны рвутся ввысь.

За Калиновым мостом
Тучей тьма лохматится.
После жизни – что потом?
Тайна, объявись!

Чтобы в мой последний час
Заиграла кровушка,
Душу выложу, крича:
«Тайна, освяти!»

Переполнен до краёв,
Выплеснусь до донышка.

За неверие моё,
Господи, прости.

ЖИВУ ПО СОЛНЦУ

*Неба синего лазурь
Радугой расцвечена.
С каждым деревом в лесу
Чувствую родство.
Держит, словно полюса,
Ось земная вечером
Два тележных колеса
Рода моего.*

Живу по Солнцу

Душа к пейзажам городским привыкла,
Но бешеному ритму вопреки
Живу по Солнцу и по звёздным циклам
Поближе к лесу у большой реки.

Нелюдные осваиваю тропы,
Груз надоевших дел снимаю с плеч.
А запуржит, бреду через сугробы,
Колю дрова, затапливаю печь.

Соблазнами умы смущает город,
Но не спешит всех пришлых привечать.
Кто чувствует энергию простора,
Тот начинает в городе скучать.

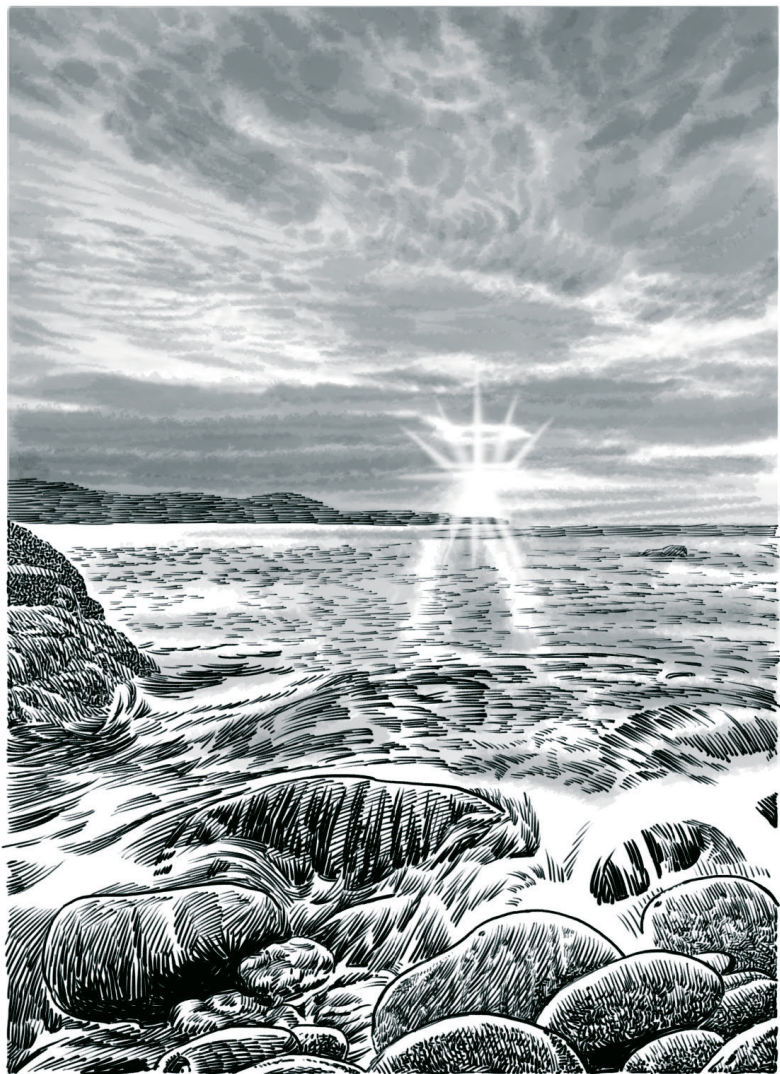
Кто тяготеет к риску и экстриму,
С природой слиться некогда тому.
Чтобы вернуться к собственному ритму,
Побыть необходимо одному.

Впитать цвета и запахи лесные,
Услышать шум листвы и шелест трав,
Рябин и клёнов разглядеть резные
Орнаменты на полотне дубрав.

Договориться с ветром или солнцем,
Прогнать пургу, наворожить тепло,
С недугом застарелым побороться.
Творить добро и ограничить зло.

Так нестерпимо хочется вернуться
Туда, где чистый снег и тишина.

На след свой ненароком оглянуться
И верить, будто жизнь ещё длинна.

Золотой плавник

Года летят. Труднее каждый шаг.
Тускнеет ощущение подъёма,
Когда идёшь, как в гору, чуть дыша,
Дойдя до края и до окоёма.

И не дорога манит, а кровать.
Что утро будет добрым, слабо веришь.
Жизнь требует сверх меры отдавать,
Когда ты тратишь больше, чем имеешь.

Короче сон, и ночи всё длинней.
Приходит утро с каждым годом раньше.
А за спиною, как мешок камней, –
Печальный опыт, шрамами украшен.

Даль отмеряю посохом в руке.
Предутреннего ветра дуновенье
Объединяет точку вдалеке
И мир бескрайний – вечность и мгновенье.

Предчувствия в охапку собираю.
Туманных снов дыханье осязаю.
Ночные тени-призраки к утру,
Как в зазеркалье, тихо исчезают.

Сверкнуло на востоке серебром,
Спросонья полыхнуло вполнакала,
Вставая из заоблачных хором,
Ночные дали солнце раздвигало.

И показался золотой плавник
Волшебной рыбы над морским простором.
К нему я взглядом на заре приник,
Всю ночь мечтая о свиданье скором.

И было ожидание – не зря.
День ясным должен быть по всем приметам.
Как озаренье, вспыхнула заря,
Сердца и души наполняя светом.

Цвела под солнцем золотом вода,
В лазури растворяясь постепенно.
И верилось, что горе не беда.
Грусть преходяща, как морская пена.

Бушуют грозы где-то далеко.
А здесь покой и светлых бликов пятна.
В перинах лёгких белых облаков,
Как после дрёмы, солнышко примято.

Чист, безмятежен горизонт, пока
Я о грядущем не спеша гадаю.
Несёт Светило времени река,
С востока и на запад западая.

Встречает мир явление весны.
Тепло и свет так явственно и зримо
Дыханьем ветра, шелестом волны
Спешат исправить мир неисправимый.

Пусть тяготит уныния недуг
И дух весенний нас бодрит всё реже,
Пушай порой и пасмурно вокруг,
Но день с утра на радости замешан.

Что б ни было, мы продолжаем жить –
То яростно, то ярко, то беспечно.

И каждому судьбы прядётся нить
Из прошлого и дальше в бесконечность.

Весенний день

Весна – начало всех трудов,
Обыденных и долгожданных,
Для тех, кто с детства к ним готов,
На полевых ночуя станах.

Пар поднимался из лощин.
От пота вымокла рубаха.
Конь допотопный плуг ташил.
За плугом шёл упорный пахарь.

Грачи на вспаханной земле
Орали. Солнце улыбалось.
Всё оживало на селе
И к новой жизни пробуждалось.

Всяк по своим делам спешил.
Стучал по наковальне молот.
И даже ветхий старожил
Был до всего охоч и молод.

Хоть и в годах – не унывал:
Он между делом горбылиной
Дыру в заборе зашивал
За домом, в зарослях малины.

Поспеть стараясь за весной,
Не мог угнаться пёс за кошкой.
Наличник новенький, резной
Готовил плотник на окошко.

Бродили куры по двору.
Малец гнал обруч хворостиной
И звал играть свою сестру,
Что прибиралась за скотиной.

Колодезный журавль скрипел,
Ведро с водою поднимая.
На все лады задорно пел
Скворец в последних числах мая.

* * *

Мы этим миром дорожим –
Ухватом, топором и плугом.
Дела житейские вершим,
Присматривая друг за другом.

Так по-соседски и живём, –
Бок о бок празднуем и тужим,

Рубахи друг на друге рвём
Или пожары вместе тушим.

Распожарился закат

Неспешные думы и шаг неторопкий –
В краю, где окреп и возрос,
Иду по заштопанной травами тропке,
Кружусь в хороводе берёз.

По осени воздух, бодрящий и чистый,
Как добрая чарка к столу.
Деревья стоят в кружевах золотистых,
Как гости на званом балу.

Гуляют ветра по равнинам безбрежным,
Поют перепёлки во ржи.
К сибирским просторам с пристрастием прежним
Мой взгляд по округе кружит.

Осиновый лист перепуганной птахой
По ветру летел вдалеке.
Закат распожарился красной рубахой
И плыл рукавом по реке.

Листва облетела с кустов краснотала.
Склонились к реке тополя.
Косички туманов заря заплетала
Рубиновым гребнем в полях.

Цветок нераскрывшийся, как драгоценность,
Росинку хранил в лепестке.
И Время, куда-то на Север нацелясь,
Оставило след на песке.

Как мать о любимых заботится детках,
Природа – кудесник и врач.
В ладонях своих – разлохмаченных ветках –
Баюкал орехи кедров.

Весь мир – в каждом образе, вздохе и жесте
К воде родниковой приник.
Ткань неба узорами ярких созвездий
Вся вышита, словно рушник.

Холодная ночь с октября до апреля
Раскрыла над миром шатёр.
И радужно позари в небе горели –
Полярных сияний костёр.

Мерцала Вселенная снова и снова.
Кружились, как рыбы топь-в-топь,
Плескались на зеркале плёса речного
Созвездия сонно всю ночь.

Забывтый Рай

Морозный ясный день.
Сиянье снежной пыли
Принарядило лес
в оборки-кружева.
Вся красота земли –
все небыли и были –
В глубинах наших душ,
как радуга, жива.

Знамена чудес,
которым нет названья,
Как птицы в вышине
небесно-голубой.
Природа, что вокруг,
полна очарованья.
Но нам не до неё –
мы заняты собой.

Сквозит безмолвный бор
окоченело-сизый.
Завьюжило в полях,
тускнеет окоём.
В амбаре в темноте
шуршат соломой крысы.
А мы самих себя
уже не узнаём.

Зажато в кулаке,
 стучит с натугой сердце.
Сердечности ему,
 увы, недостаёт.
Нет веры никому,
 как будто иноверцу.
И нечем растопить
 в душе колючий лёд.

Провалы глубоки
 всемирного раскола.
Разъединила нас
 гордыня и вражда.
Когда в сердцах людей
 лютует зимний холод,
Земля рискует стать
 безмолвной глыбой льда.

Безрадостный прогноз –
 за чёрствость нам расплата.
Предавшим отчий дом –
 презрения печать.
Мы, может быть, ещё
 опомнимся когда-то.
Чтобы припасть к Земле.
 Ей не первой прощать.

О малых детях

Просторно в детстве всем затеям шалым –
Ребёнок тянет всех в свою возню.
Льнёт даже зверь к беспечным детям малым,
Как будто принимает за родню.

И к курице любой, или к корове
Доверчиво детёныш подползёт.
Домашний пёс с ребёнком будто вровень,
И даже волк его не загрызёт.

Всё будто несмышлёнышу едино,
Когда азартно или же с ленцой
Ответная на ласку животного
Ребёнку лижет ласково лицо.

Не разумом ещё живёт, а сердцем,
Прилипчива к животным малышня.
И от «тирана» им не отвертеться,
Привязанность и преданность храня.

Бесхитростная детская утеха –
Обнять и тискать верного дружка.
До звонко-переливистого смеха,
Мяуканья, когда прижмёт лишка.

В обнимку спать с нечёсанным барбосом,
За уши драть, кататься ли верхом, –
И встанет пёс заслоною угрозам,
Дитё не бросит в случае лихом.

Жалеют дети псину без призора
Или наотмашь беспощадно бьют,
А та обиды им прощает скоро,
В наивном сердце находя приют.

Мы повзрослели и черствее стали.
Сочувствие у взрослых не в чести.
Не потому ли в детстве мы мечтали
Собаку или кошку завести?

Не стыдно быть ребёнку простодырым.
До бед вселенских детям дела нет.
Живут с собой в согласии и с миром.
Для этого и рождены на свет.

Для счастья надо каждому не много:
Здоров и сыт, обласкан и обут.

Ребёнку в детстве рай дарован Богом.
И дети как бессмертные живут.

Ключ к вечной жизни

Мы разучились понимать природу,
Тем более с ней каждый шаг сверять.

А дед мой приручил огонь и воду,
Чтоб правнук начал космос покорять.

Но мы бытуем до сих пор беспечно
И день за днём транжирим вдругорядь.
Быть может, мы и не хотим жить вечно,
Но не спешим пока что умирать.

Не говорим о важном – ходим, дышим.
В глаза не глядя, лица прячем в тень.
Мы слушаем, но ничего не слышим.
Сочувствовать нам некогда и лень.

На нашу Землю беспристрастно глянем:
Здесь так непросто человеком быть,
Найдя секрет бессмертия, земляне
Лет через сто разучатся любить

И сострадать. А мы для них примером
Не будем, как и наши рубежи.
Но жить «любой ценой» – чужая вера
Тех, кто отверг бессмертие души.

Судьбу, как йзбу, по старинке строя,
Устав смертельно, на исходе дня

Я попрошу у духов гор здоровья,
У духов моря, ветра и огня.

К стволам деревьев прикоснусь руками.
Спасибо им за то, что жив-здоров.
Их кроны с ветром шепчутся веками
И всем живым дают тепло и кров.

Ключ к вечной жизни как в стогу иголка.
Но думается мне на склоне лет:
Вопрос, *как* жить, важнее, а не *сколько*,
Чтоб о себе оставить добрый след.

Мой прадед был сибирский долгожитель.
Всю жизнь в трудах и до последних дней.
Крест на груди, в крестах геройских китель
И завещанье – жить по чёсти мне.

А те, кто о бессмертии мечтают,
Не знают часто, чем себя занять
В дождливый вечер.
Дней летящих стаю
Не повернуть, как ни старайся, вспять.

За то, что будет завтра, мы в ответе.
Не в будущем когда-то, а сейчас.

Бессмертие – в делах моих и детях,
Что будут жить, надеюсь, лучше нас.

Бессонница

Поумаявшись за дѣнь,
как небесной милости,
Жду забвения в ночи.

Только вот опять
Не могу из головы
все заботы вытрясти,
Что ворочаются в ней,
не дают мне спать.

На подушку головой
падаю чугуною.
Всё, что сделать не успел,
тягостно зудит.
Я бессонницу свою
в одеяло кутаю,
А она всю ночь в упор
на меня глядит.

Мысли лезут чередой,
как клопы, назойливо.
И вгрызаются в мозги,
жертву отыскав.

Да ещё лопатки жжёт,
 будто там насолено.
Сердце так гоняет кровь,
 что стучит в висках.

И подушка подо мной
 зверем заворочалась.
Мне теперь ещё и с ней
 надо воевать?

Как терпение моё
 до сих пор не кончилось?
Если кончится, в окно
 выброшу кровать.

Иззевавшись, скоротать
 эту муку смертную
Я отчаянно стремлюсь,
 так она длинна.
Как предвестие грозы –
 темень беспросветная.
Знать, в душе покоя нет,
 вот и не до сна.

Как на страже часовой,
вслушиваюсь в шорохи.
Битый час, закрыв глаза,
я поклоны бью,
Чтоб негладанных тревог
грозовые сполохи
Миновали наконец
голову мою.

Ночь тошна до дурноты.
Сновидений муторных
Жду в коротком забытии
снова не к добру,
Будто в снежную метель
пробираюсь путано
Я дорогою не той
не к тому двору.

Просыпаюсь, осердясь,
что живу без цели я.
Мне б очухаться от дум
ну хотя б на треть.
Но опухшее лицо
утром – как с похмелия.
Не смотрели бы глаза.
Да куда их деть?

Слякотная осень

Задержалась где-то снеговуха
На распутьях времени – зимы,
И никак не соберётся с духом
К нам добратся из полярной тьмы.

Дремлет, как медведь, зима в сугробе,
Смотрит снежный сон у камелька.
Видно, время спуталось в ознобе,
Будто занедужило слегка.

Разгулялся дождь хмельно и пьяно,
Льёт-гуляет с четырёх сторон.
Простыни нестираных туманов –
В пятнах неприкаянных ворон.

Лес как будто непогодой проклят.
Заяц в зиму вылинял едва.
Весь ноябрь в оттепели мокнет –
Не пришей у шубы рукава!

Шла б ты, осень, на покой с почётом
И меня бессонницей не мучь.
Я всю ночь «работал» звездочётом,
Только звёзд не видно из-за туч.

Ведуны в потёмках сбиты с толку.
День погожий призрачно далёк.
Темень подступила втихомолку,
И осел угрюмо потолок.

В ватных облаках потухло солнце
Сонно на исходе ноября.
Нехотя как будто, за оконцем
Золотушно теплилась заря.

Край вселенской хляби будет, нет ли?
Хмурил я задумчиво лицо.
Перепутал пуговицы-петли,
Застегнув неловко пальцецо.

Попритёрся или притерпелся –
Как-то до морозов доживу.
Ветерок прошёлся мелким бесом,
Подметая павшую листву.

Травостой поник, к земле прижался...
Выпущенный, как из тетивы,
Низко над рекой на юг умчался
Запоздалый табунок утвы.

В шелесте дождя легко оглохнуть.
Мир притих и загода готов
Замереть, забыться, зябко вздрогнуть
От звенящих первых холодов.

Вдалеке сороки тараторят,
Мол, зима обиделась всерьёз.
Зимогорить – нахлебаться горя
Нас заставит колотун-мороз.

Слякотно в душе под стать погоде,
Даже не согреться у печи.
От досады места не находим
И с утра нахохленно молчим.

Словно непотерянное ищем –
В стылых грудях зла щепоть добра,
Будто в непроглядной темнотище
Сияясь неупавшее собрать.

На людей и мир глядим понуро,
Глубины не видим ни черта.
А ведь за любой личиной хмурой
Непреренно скрыта красота.

С неба льёт который день водица,
Ей земля напоена-сыта,
Чтоб весною снова воплотиться
В талых водах, травах и цветах.

Пусть денёк опять сегодня грустный,
Лишь погода этому виной.
Не глухой наш край и захолустный,
А бескрайний и навек родной.

День придёт – погоду мы упросим, –
Запуржит в морозной кутерьме.

Будет затяжная эта осень
Снегопадом кланяться зиме.

Через болотную хлябь

В дальнем сумрачном, диком краю
Буреломы да вязкие топи.
Вечер, тень удлиняя мою,
По тропе неприметной торопит.

Над деревьями ворон кружит,
Не по-доброму каркает сипло
За поганым болотом в глуши,
За непаханой пустошью гиблой.

День осенний истаял давно.
В чёрных тучах луна затерялась
Так, что сделалось вовсе темно.
Стало боязно путнику малость.

То ль от холода начал дрожать,
То ль про леших наслушался бредней...
Мне родитель велел поспешать
Напрямки до деревни соседней.

Эх, нужда! Хоть блажи, но бежи,
Хлюпай в лужах обувкой дырявой.
Тухлым смрадом несло с бочажин.
Зазмеились болотные травы.

На гнилых отсыревших пеньках
Огоньки голубые мерцали.

Страхи недоросля-паренька,
Словно зайца, в силки повязали.

Чьих-то крыльев нечаянный взмах.
Голос чей-то утробно рычащий.
Меж собою бормочут впотьмах
Лешаки да кикиморы в чаще.

Где-то ухнула выпь не к добру.
Плюхал кто-то по блюдам болотным.
В ночь, как в чёрную падал дыру,
Пропадал я щенком беспородным.

Что у нас приключилась беда,
Должен был предупредить я соседей.
И бежал по звериным следам,
Как добыча охотнику в сети.

В сказке мóлодец мал да удал.
Ну а была к босякам беспощадна.
Сбился с тропки я и заплутал.
Не сыскать мне дороги обратно.

Ночь упавшему духом грозит:
Оступись – и уже обезножел,
Юзом – носом по жидкой грязи,
Там где нет ни путей, ни дорожек.

От обиды в душе кавардак.
Показалось небо с овчинку,

А луна – со свинячий пятак.
Как вслепую отыщешь тропинку?

Мне б умыться водой ключевой,
Сбросить с плеч наваждения бремя.
В трёх шагах не видать ничего.
Новолуние – ведьмино время.

Колдовской заклубился туман,
Расступился на миг у пригорка.
И привиделся мне сквозь дурман
Теремок на корявых подпорках.

Рот открыв, я на терем глазел.
Покосилась от времени крыша,
Издырявел настил и просел:
Поработали время и мыши.

И ни зги, ни просвета вокруг.
Ели цепкими лапами виснут.
Ликом тёмен и норовом крут,
Будто леший залиvisto свистнул.

Страх – он верный к гибели путь.
Оплошал я за миг до рассвета,
Провалился в болото по грудь.
Духом пал, и спасенья не ведал.

От отчаянья был недалёк,
Но успел за корягу схватиться,
Подтянулся и грудью налёг.
Знать, Хранитель решил заступиться.

Выпускала невольника топь
Из объятий своих неохотно.
Отбивал барабанную дробь
Зуб о зуб, да мутила икота.

Чуть разъяснело, стало видать –
Путь приметною вешкой отмечен.
До тропинки – рукою подать,
Край болота совсем недалече.

Я с рассветом как будто воскрес,
В край вернулся родной из неволи.
Жизнь – кому бурелом, тёмный лес,
А кому васильковое поле.

Всяк, кто ищет, дорогу найдёт.
И родная душа отзовется,
Где травой-муравой прорастёт,
Где водой родниковой пробьётся.

Нам в глуши не впервой ночевать.
Мы же, русские, вышли из леса
С топором, чтобы пни корчевать
Да попотчевать обухом беса.

Дуют ветры

Ветрам в Сибири полное раздолье –
Лети в любую сторону на воле.
Один свистит и пляшет молодцом,
Другой ночной порой крадётся вором.
У каждого характер свой и норы,
Своя повадка, голос и лицо.

Овражек ближний или колок дальний,
Куда ни глянь – простор и снег навальный,
Знакомые сибирские места.
К ногам бельчонком ластится позёмка
И шелестит по сапогам негромко,
Обмахивая кисточкой хвоста.

С новья по лесу набиваю тропы
Сквозь вязкие сыпучие сугробы.
Лишь зверь в бору подскажет, где тропа.
Но прячутся от глаз косуля, рысь ли.
На елях мхи, как бороды, повисли.
Их ветерок порывами трепал.

От дум моих в пути не много проку.
Бреду из снежной гущи на дорогу.
Родимый дом и тёплая постель –

Желанная за морем снега пристань.
Утиным пухом, пылью серебристой
Даль кутала неслышно замятёль.

На северах недолог миг идиллий.
Вдруг вихри карусели закрутили,
И я печёнкой чувствую: вот-вот
Проснётся Северяк – дух ветра древний,
Пурга нежданно вздыбится, окрепнет
И пеленой закроет небосвод.

Глаза колючим снегом, словно перцем,
Падёра жжёт – никак не притерпеться,
И щёки тёркой мёрзлою дерёт.
Вертится снежным змеем завируха.
К заблудшему в метель всё в мире глухо
И вывернуто задом наперёд.

Снег бьёт в лицо зарядами двустволки.
Как белые взлохмаченные волки,
Мчат чередой наперегонки
Гривастыми клубами перемёты,
Захлёбываясь, голоса до рвоты
И воют, как голодные щенки.

Седая вьюга глыбой ледяною
Встаёт непроницаемо стеною.
Протянешь руку – не видать ни зги.
Свистят, хохочут в снежной круговерти,
Беснуются, метут хвостами черти,
Как тряпку, рвут пространство на куски.

Добраться бы до тёплого ночлега.
Но нет дорог в безбрежном море снега.
Следы залижет, будто языком,
Буран. Мороз. Кругом стена – ни бреши.
Затянет суток на́ двое, не меньше.
Не дай-то бог пути искать ползком.

Куда идти? И как не падать духом?
Толкает, будто в пропасть, заметуха,
Сбивает с ног и не даёт дышать.
Попал во власть гневливой непогоде –
Смирись, сердешный. Силы на исходе.
Горюет, обездвижена, душа.

Слепят снега – округа нелюдима.
Но вдруг издалека пахнуло дымом.
Когда озяб и до кости продрог,

Как хорошо сидеть в обнимку с печью,
Коли одет ты в шкуру человечью.
И нет нужды тащиться за порог.

К жилью едва по запаху я вышел.
Волной метель катилась через крыши
И вороха́ми сыпалась в навал.
Снег за трубою полоскался флагом.
Порывы ветра хлопали с оттягом,
Качали дом, что будто уплывал.

.....

Сижу в гостях. Случилось припоздниться.
Под сапогом не скрипнет половица.
Потрескивает уголька́ми печь.
Уже во сне учусь долготерпенью.
Краде́тся по стене лохматой тенью
И манит полночь на кровать прилечь.

Скребе́тся мышь, калитка глухо брякнет.
На чердаке как будто леший ахнет.
Сквозняк в трубе затянет на басы.

В сон с головою ухожу, как в омут.
Жар от печи расходится по дому.
Жизнь отмеряя, тикают часы.

Родниковых вод ручей

Плыла над землёй серебристая пряжа тумана,
И мир к небесам становился чуть ближе в горах.
Родник меж камней просыпался к заутрене рано,
Встречали день солнечный щебетом птахи с утра.

Спешил родничок, беззаботно по склону катился,
Вокруг валуны обходил, незаметен и мал.
Чуть ниже, набравшийся сил, в ручеёк превратился
И голос окрепший, журча, всё бойчей подавал.

Как будто играючи, светлого солнышка ради,
Ручей-чародей ненароком творил чудеса.
Вприпрыжку бежал по камням, проявляя характер,
На флейте рассвета играя на все голоса.

Спускаясь с небесных высот из преддверия рая,
Поток не иссяк, не растратил задор, не зачах.
В себя родники отовсюду другие вбирая,
Ручей возмужал и расширился зримо в плечах.

Наполнился силою голос и звонким металлом,
Скакал, словно лошадь, поток, закусив удила.
В теснине река меж утёсов вниз грохотала
И груды камней, разгулявшись, по дну волокла.

Умыто зарёй, синеокое небо сияло,
И отблески солнца сплавлялись по быстрой реке.
Открытия ждали родник за стеной краснотала
На всех поворотах стремительных накоротке.

И редкое сердце не дрогнет в ознобе восторга,
Душа, как впервой, изумится рассветной порой.
Река будто глянула, голубоглазая, зорко,
Потоков и струй забавляясь волшебной игрой.

Звенят на порогах подковы коня молодого.
Качается тихо на глади реки небосвод.
Другого значенья полны и звучанья другого
Все грани и краски, насыщены радугой вод.

В долине привольно река раздалась берегами.
Так стало легко, прикоснувшись душой к красоте,
Почувствовать время, мгновенье потрогать руками,
Застывшее в дереве, камне и чистой воде.

Заботы мои и тревоги куда-то умчали.
У светлой воды родниковой в раздумье стою.
Река, если долго смотреть, уносила печали,
Глаза промывала и чистила душу мою.

Сгущалась под вечер теней неохватных завеса.
Река попритихла, и времени глуше шаги.
Причёсывал ветер косматую голову леса.
Как в зыбке, в тумане спала глухотемень тайги.

Родник в лунном свете густел и слегка серебрился.
День прожит. Круг жизни пока ещё не завершён.

И к ночи вплотную к реке небосвод наклонился.
Большая Медведица черпала воду ковшом.

На грани миров

Иду не туда, и случаются странные встречи.
Блуждаю в трёх соснах –
в местах, где ходил сотни раз.
След путая, время бежит, замедляясь под вечер,
Одной из случайных, из самых немыслимых трасс.

Здесь место, где можно
на грани миров повстречаться
И сблизиться с кем-нибудь, не называя имён, –
С животными, птицами, что никого не боятся,
С людьми, что пришли
из неведомых стран и времён.

Полоской чуть видимой месяц на свет родился.
Иду без разбора дороги всё дальше. И вот
Мне вдруг показалось,
 что воздух слегка уплотнился
И что-то коснулось как будто плеча моего.

Вот ухнуло где-то, и дали откликнулись гулом.
Заныло в груди без причины. Но сердце не врёт.
Вот ветка качнулась, и, кажется, тень промелькнула,
Трава разошлась, пропуская кого-то вперёд.

Белый снег

Первый снег упал на землю этой ночью,
Всё прикрыл надёжно, выбелил пухляк.
Сам собой любуюсь, чист и непорочен,
Мир притих и вширь раздался на полях.

Ничего белее снега нет и чище
Только выпавшего свежего с утра.
Непроглядно валит хлопьями снежище.
Запорошена равнина-снежура.

Но лишь только снег чуть оттепелью тронет,
Детвора в снежки играется, пока
Дед Мороз мальцов на печку не загонит
И в дозор не снарядит снеговика.

Землю батюшка Покров снежком прикроет,
А молодку, коли любо, женишком.
Знать, зазноба не напрасно чернобровит
На околице под вечер с мил-дружком.

Есть где в поле разлететься белым мухам.
Заплетая ноги, как навеселе,
Понизовка, волокуша, заметуха
Снег сухой, сыпучий тащит по земле.

Запуржила, разгулялась мелким бесом,
Молодые книзу клонит дерева.
Под сугробом спит медведь – хозяин леса.
В снег ныряют ночевать тетерева.

С ползимы по грудь заснежило урманы.
По таким снегам и зверю ходу нет.
Даже заячий следок как будто рваный,
Промороженный Сибирью сотни лет.

В блёстках инея играет снежной пылью,
Вьюга-вёялица кружит хоровод.
А разъяснеет, и сказка станет былью,
На проталинке подснежником взойдёт.

Седока несёт над лесом сивка-бурка.
На погляд выходит, сказочно добра,
Белолицая красавица Снегурка,
Снеговой водой умывшись с серебра.

Над тайгой бескрайней кряжи нависают,
Великаны-горы – в снежных колпаках.
Из кристаллов льда снежинки вырезают
Чародеи-ювелиры в облаках.

Утюгом по снегу солнышко прокатит.
Непоседа март на выдумки горазд.
А когда мороз снежок к утру прихватит,
Станет коркой настоящий, крепкий наст.

Наступай, иди, пока морозец держит.
Дальше всё пойдёт своею чередой.
Всех, кто хмурился зимой, весна утешит,
Напоит живою талою водой.

Снеговина напилалась влагой в роще.
Но опять пуржит, и весновой не в счёт.
По туману морось-чйдега¹ полощет,
Вперемешку с градом крупчатый сечёт.

На ветвях берёзы иней заискрился.
Льдинки пробую, смакуя, на зубок.

Я б и летом после баньки в снег зарылся.
И зимой бы съел грибок,
да снег глубок.

¹ Чйдега – моросающий дождь с туманом и холодным ветром (у народов Сибири).

Не хлебом единым

(молитва)

В чём вижу вечный смысл бытия?
Себе опорой быть и тем, кто рядом.
Чтоб к испытаниям всяким и преградам
Была всегда готова жизнь моя.

Чтобы я смог обидчиков простить,
И мне за всё когда-нибудь простится.
От гнева и гордыни излечиться,
От зависти себя освободить.

Хочу других понять и разделить
Тепло души с тем, кто ещё не понял.
И ветер тучи хмурые разгонит,
Чтобы ненастье на душе не длить.

Где ненависть кипит, к любви взывать,
Отчаявшимся подавать надежду
И к свету выводить из тьмы кромешной,
Тропу и в топкой хляби отыскать.

Соединять, где ссора развела.
Пусть безутешен сам, других утешить.
Пусть даже правда слух заблудшим режет,
Не умножать постыдной ложью зла.

Искать сердец связующую нить.
Не уповать на случай или милость.
И даже там, где горе поселилось,
Для радости возможность находить.

На грани, на краю, на рубеже
Дай Бог принять разумное решение.
И веру укрепить, когда сомненье
Мир разрушает и разлад в душе.

Себя забыть и обрести покой.
Что б ни было, самим собой остаться.
Кто отдаёт, тому добром воздастся, –
Сочувствия подарок дорогой.

О большем и не думаю просить.
Жив, слава Богу, не единым хлебом.

Закручены спиралью прямо в небо
Ступени колоколен на Руси.

Всё ещё наладится

Зарумянилась заря
Да заразноцветилась,
Ярче золота горя
Каплями росы.
Там, где вечности печать,
Сказка присоседилась,
Поворачивая вспять
Древние часы.

Блажь ли это, благодать –
Как кому поблазнится.
В глухомани не видать,
Где за далью храм.
Есть ли чистая душа?
Да какая разница!
Лишь бы каяться, греша
С ночи до утра.

Истомилась голытьба
Да без слова истины.
Стала в доблесть похвальба
Брехунам сейчас.
И к барышникам лихим
Все подряд причислены.
Потому-то из трухи
Хлебушек у нас.

Попритихли, прижились,
Притерпелись, бедствуя.
Что в заоблачную высь
Попусту глазеть?
Подустали даже ждать
Царствие небесное.
Разуверились, видать,
Очумели все.

Иссушила, извела
Жажда жизни праведной.
Вырываю корни зла
Из себя пока.

Нам чужое – только дай!
Не затем, что зáвидно,
Просто в прежние года
Жили абы как.

Что запечный таракан,
Где попало рыскаю.
Разучился, как цыган,
Честным жить трудом.
А деды мои могли:
Сила богатырская –
От сохи да от земли,
Где родимый дом.

Неба синего лазурь
Радугой расцвечена.
С каждым деревом в лесу
Чувствую родство.
Держит, словно полюса,
Ось земная вечером
Два тележных колеса
Рода моего.

Как святыне, поклонюсь
Дедовской завалинке.
Исцели тревогу-грусть,
Чистая роса.
Сердце радостно моё,
Как по наковаленке,
Молоточком медным бьёт
В такт земным часам.

Где исток большой реки,
Что до устья катится?
Той, с которою близки
Все до одного.

Верю, всё у нас в доме
Как-нибудь наладится.
Ведь не мне же одному
Хочется того.

ОТПЕТЫЕ ВРЕМЕНЩИКИ

*Нет веры болтунам и писарям газетным.
Народу всё трудней кормиться от земли.
От зависти сосед зуб точит на соседа.
Где худо, где добро? В одной лежат пыли.*

Отпетые временщики

Давно не возделана нива,
В полях поредели стада.
Бездельники красноречиво
Толкуют о пользе труда.

Народ поучает, зевая,
Надутый дурак-дураком.
И к верности всех призывает,
Кто всем изменяет легко.

Трусливый о мужестве людям
Поведает – лишь позови.
И всех ненавидящий люто
Опять говорит о любви.

Кичится своим благородством
Повсюду последний подлец.
Кто ниже всех рангом и ростом –
В правители мира пролез.

Приспешники лёгкой наживы
О честности песни поют.
Неряха и бестолочь живо
Помогут устроить уют.

Любители горьких попоек
За трезвость воюют везде.
Лжецы проповедуют бойко
Об истине и правоте.

И так – без конца, без предела.
Под маской искусства – искус.
Гармония духа и тела –
Случайный и редкий союз.

Духовное – скучно и скудно.
Телесное – ближе оно.
Нечаянно и безрассудно
Мы их разлучили давно.

Несчастные нас утешают.
А мы – как слепые щенки.

О будущем светлом вещают
Отпетые временщики.

Красно Солнышко

Был к святым причислен и оправдан
Князь за все плоды своих трудов.

Молодая Русь. Два кровных брата
Торопились в Полоцк¹ слать сватов.

Не сложилось. Блажь или измена?
Прятали глаза сваты, винясь.
Отказала им княжна надменно.
Оскорблён был новгородский князь.

Сын рабыни был горяч в запале,
Никому обиды не прощал.
Думали обидчики едва ли,
Что погибнут скоро, трепеща.

В тот жестокий век и беспощадный
Князь вершил недобрые дела –
Словно дикий зверь, до крови жадный,
Полоцк разорил и сжёг дотла.

¹ В конце X в. сыновья бывшего киевского князя Святослава, Ярополк и Владимир, примерно в одно время сватались к дочери полоцкого князя Рогволда – Рогнеде (Гориславе). Рогнеда была объявлена невестой Ярополка, что вызвало гнев и череду недобрых дел новгородского князя Владимира.

И с дружиной разделяя славу,
Леденя каменным лицом,
Силой взял невесту, как шалаву,
На глазах у матери с отцом.

А потом уже острастки ради,
Перуном¹ и Ёдином² грозя,
Погубил родителей и братьев
Той, что, как добычу, в жёны взял.

Боевые кони вдаль рысили,
Чтоб успеть судьбу опередить,
Киевского князя пересилить,
Уничтожить, а не победить.

Рати шли на Киев, поднимая
Всех – кто млад иль дожил до седин.
Бились братья насмерть, понимая,
Что в живых останется один.

Власть – неизлечимая отравя.
Пригубил – тогда изволь принять:
Кто сильнее – получает право
Всё, что хочет, у других отнять.

¹ *Перун* – верховный славянский бог-громовержец, а также бог войны и плодородия.

² *Ёдин* – верховный бог германо-скандинавской мифологии, бог войны.

Новгородский князь, как зверь в загоне,
 Был зело непримирим и зол.
Кровью брата обагрил ладони
И взошёл на киевский престол.

Колет глаз безжалостная правда.
Мало князю пленницы одной –
 Взял вдову убитого им брата
 Победитель пятою женой.

Выжигали душу, словно лава,
Слёзы. Но, приняв судьбу свою,
Горе мыкать стала Горислава
С тем, кто погубил её семью.

Не простила и не оправдала.
Голос крови мщения просил.
Мужа ненавистного кинжалом
 ...не убила. Не хватило сил.

Видно, так угодно было року.
Вновь качнулись к пропасти весы.
Преградил мечом отцу дорогу,
Мать спасая, малолетний сын.

Их судьба печально канет в Лету.
И не даст покинуть западни.
На задворках летописи где-то
Дни свои закончили они.

Мир велик отнюдь не постоянством,
А железной волей и мечом.

Жён прогнал и принял христианство
Князь, что был Великим наречён.

И не нам судить, за далью дальней
Различая только лик мирской,
Кто велик, а кто во тьме преданий
Недостоин памяти людской.

И пока последний князь не вымер,
Будут биться насмерть братовья,
Чтобы Красным Солнышком Владимир
Величался.

Бог ему судья.

Сукины сыны

Не праведники правят миром
 (Увы, и нашею страной).
А то, что веры командирам
Нет, – не народ тому виной.

Победный курс пройдохи славят.
 Но закачаются весы,
 И обязательно проявит
 Свою натуру сукин сын.

Он сам себя охотно лупит
 За демократию кнутом.
За то, что Запад нас не любит,
 Возненавидел отчий дом.

Рать прожигателей и мотов
Страну кромсают, как ножом.
 И ряженные в патриотов
Живут привычно грабежом.

Лишь звону золота послушны,
 И – полюс холода в груди.
И к горю ближних равнодушны.
 И от обжорства их мутит.

Лишь жуликам на пользу войны –
 Они свой куш всегда сорвут.

И те, кто меньше всех достойны,
Нужды не ведая, живут.

А россиянам объясняют,
Что всех их надо – «на ремни».
В Европе воздух загрязняют
Своим дыханием они.

Но руки опускать негоже.
Рыдать в углу – не наш фасон...
А сукины сыны похожи,
Как пуговицы от кальсон.

Заразу этой вши тифозной
Здоровье нации сметёт.
Я верю, что не очень поздно
Выздоровление придёт.

России не грозит сиротство.
В любой проявится беде
Величие и благородство,
Великодушные людей.

Пустопорожних ожиданий
И разочарований груз
Снимаем с плеч без оправданий...

И сокращение страданий –
Единственный к спасенью курс.

Во власти Зла

Жить стало муторно и гадко.
Повсюду правит Зло.
А я лишь радуюсь украдкой,
Что мимо пронесло.

Бесчестие и пошлость блудят,
Довольные вполне.
А я всё жду, что дальше будет,
Лениво в стороне.

Всё горше признаки хворобы.
Иммунитет сбоит.
Никто всерьёз потоку злобы
Не противостоит.

Протестовать небезопасно,
Особо – задарма.
Страх и бессилие заражны,
Как чёрная чума.

Такую хворь никто не лечит.
И мы в набат не бьём.
Падение даётся легче
И проще, чем подъём.

Мерзавцы, с ними всё понятно, –
Они во власти Зла.
И всё темней чумные пятна,
Которым несть числа.

Живут бессовестные рожи,
Как баловни судьбы.
А тысячи людей хороших
Безвольны и слабы.

И, свой окоп поглубже вырыв,
Я понял не вчера:
Гораздо больше дезертиров
Из армии Добра.

Для тех, кто сдался супостату,
Назад дороги нет.
На смену мрачному закату
Приходит бес-просвет.

И всех на свете обвиняя,
Что нет Добра у нас,
Плохое прошлое меняет
На худшее сейчас.

Нищета

Богатство не для всех. Таков закон, хоть тресни.
Для большинства оно – лишь призрачная тень.
Но бедность – не беда, коль голова на месте,
Есть кров над головой и хлеб на каждый день.

Один устал лепить заплатку на заплатке,
Другой качает нефть и газ через трубу.
Тот в сытости живёт, в довольстве и достатке,
А этот в нищете влачит свою судьбу.

Не каждому даны возможности большие.
И как тут сохранить достоинство своё?
Хапуги и жульё грызут харчи чужие,
А нищеврод одет в обноски и хламьё.

Богатый – лучший друг общественному благу,
Опора для царя, пусть даже ест за двух.
А нищета – порок. Гони взашей бродягу,
Чтобы не портил вид и не тревожил слух.

Пока не очень стар и не смертельно болен,
Порадуйся судьбе, побалуйся кваском.
Но жить не вмоготу тому, кто обездолен.
А кто в два горла жрёт, не давится куском.

Порой, когда припрёт, трудяга побастует
И снова тянет воз с рассвета до темна.
И через одного ограблен подчистую,
В отчаяньи народ горюет вполпьяна.

Спасётся голытьба лишь тем, что плодovита
Да пристрастилась красть по мелочи и врать.
Кто впроголодь живёт, закон им не защита.
Он призван устрашать и с них три шкуры драть.

Голодных объедать постыдно и позорно
И пировать тайком от нищих доходяг.
Давно позаросли поля травой сорной,
А власть заботит лишь распределение благ.

Укрыться всё трудней от мытарей-фискалов,
Которым несть числа в любом углу страны.
Взирают на людей с неласковым оскалом –
И прячется народ, виновен без вины.

Сквозь этот хламостой не выйти на чистину.
Доходы всё скудней. Всё тягостней оброк.
Взамен налогов всех вернуть бы десятину,
Глядишь, и для казны побольше будет прок.

Нет веры болтунам и писарям газетным.
Народу всё трудней кормиться от земли.

От зависти сосед зуб точит на соседа.
Где худо, где добро? В одной лежат пыли.

Как кривду распрямить?
За дело взяться вместе,
Голодных накормить, бездомным дать приют.

Не тех, кто половчей,
а кто толков и честен,
Поставить у руля.
Да только не дадут.

* * *

Тому в России хорошо,
Кто пакостей не затевает.
В ладу со всеми пребывает
Тот, кто не лезет на рожон.

Европе выгодно дружить
С наивной «лапотной» Россией.
Но мы до времени – разини,
Чтобы без драк дела вершить.

Тонка у недруга кишка,
Хоть он оружием напичкан.
Бить подлецов – у нас привычка.
Не пакости исподтишка!

Прости, Страна

*Осердился на блох,
да одеяло в печь!*

Прости, Страна, за то, что слабо верим
В твою звезду. Запутавшись давно,
Открыть хотели в новый мир окно,
А впопыхах с петель сорвали двери.

И к нам теперь без спроса лезет в дом
Заморская бессовестная сволочь.
И мозг нам разъедает, словно щёлочь,
Ложь, не обременённая стыдом.

Вновь диссиденты Родину ругают,
Свою бездарность ставят ей в укор.
И вот уже таланты за бугор,
Как из ведра худого, утекают.

Прости, Страна, что сбились мы с пути,
Что в поисках удачи заплутали,
Отцовское наследство промотали.
За глупую доверчивость прости.

Не понимали мы твоих масштабов,
Открытий, достижений и побед.

Нам до твоих свершений дела нет –
От зависти к соседу душит жаба.

Теперь маклак – базарный плут – в цене.
«Пустите в рынок!» – просим Христа ради.
Ни языка, ни веры не утратив,
Теряем память о родной стране.

Всё реже слышим мы и замечаем,
О чём шумит сибирская тайга,
Могучих рек крутые берега.
А только нефть из Родины качаем...

Нас лечат сотрясением мозгов
Для бодрости. Мол, нам пойдёт во благо.
Мы «на трубу» посажены, как на кол,
И рвём страну на тысячи кусков.

Нас связывали космос и балет,
И очередь за пивом, и дороги,
Ночёвки у костра, реки пороги...
Теперь разъединяет интернет.

В благополучье сытом успокоюсь,
Достатка ищем, и любой ценой.
Но истинная ценность – дом родной,
Бесстыдством не замаранная совесть.

Хоть водовозом Родине служить,
Но знать, что не пропащие мы люди.
И вовсе не по дурости мы любим
Россию, без которой нам не жить.

Мы вспомним всё, всё соберём по крохам.
Всё, чем едина Родина была:
Былины, языки, колокола,
Святые лики, пляски скоморохов.

Прости за то, что обветшали веси,
Что русский люд всё так же с горя пьёт
И что всё чаще нам недостаёт
Твоих знакомых с детства грустных песен.

Без них нам, как без воздуха, хана!
Как без души, к чужому горю чуткой.

Чтоб дом родной не стал собачьей будкой,
Поверь в себя... и в нас поверь, Страна.

Лобное место

*Засохшее сердце
ростков не даёт.*

Громада России пугает соседей,
Размах неуёмный страшит.
От батюшки Дона и до Енисея
Богатство чужое лежит.

Пришиблены мифом о «русской угрозе»,
Вражды раздувают пожар.
Но недруги наши носы отморозят,
В снегах по России кружа.

Вопят о жестокости русской в Париже
И в Лондоне много веков
Те, кто поподлей и в коленках пожиже, –
«Оракулы» для простаков.

Мол, Грозный Иван и чудовище Сталин
Россию «втоптали в навоз».
И даже на площади Красной поставлен
В столице для казней помост.

Гуляют по свету бредовые басни,
Пронизаны ложью и злом.

Но Лобное место в Москве – не для казней.
Здесь каялись – били челом.

Здесь часто и царь говорил принародно
О самом, что есть, дорогом.
Стояли полки в снаряжение походном,
Готовые биться с врагом.

К нам лезут без спроса незванные гости
Пограбить, а не погостить.
И Минин с Пожарским на этом помосте
Россию клялись защитить.

На Красную площадь народы стекались
В преддверии грозной беды.
Сюда на всеобщий погляд возлагались
Нетленные мощи святых.

Сплотиться, окрепнуть отмерен был срок нам
Немалый, чтоб встать в полный рост.
Глядели собора Покровского окна
На каменный круглый помост.

Пожарский и Минин – единства вершина.
И славу на всех разделя,
Встречала в Москве ополченцев дружины
Соборная площадь Кремля.

В стране, чудотворно из праха рождённой,
Сломавшей колодки оков,
В Москве, от нашествия освобождённой,
Стоит монумент пять веков.

Нас Запад завистливый держит в опале,
Мечтает порвать на куски.
Но с треском захватчиков мы вышибали,
С размаху вправляя мозги.

Земля не нужна россиянам чужая.
И Родина нам дорога.
Но именно русским, войну завершая,
Громить приходилось врага.

Мы сроду не носим за пазухой камень.
Но мы – и не пыль не ветру.
Богатство для русских – не деньги мешками,
А вера, терпимость и труд.

И мы над нерусским глумиться не станем.
В России – без страха живи.
У нас милосердие к ближним и дальним
От предков в душе и в крови.

И завтра печальной судьбы не избегнут,
Кто с детства отравлен враждой.
Бедя, если пастырь в уныние ввергнут,
Беду затыкает бедой.

Всё жёстче сценарии перезагрузки.
Ведь Запад привык мухлевать.
И снова готовят нацисты для русских
Освенцим, Хатынь, Бухенвальд.

Кто пал за Отечество, мы не забыли.
В нас память живёт, а не страх.
А кто торговал на обочине пылью,
Бесследно рассыплется в прах.

От западных «ценностей» некуда деться.
Мир этот похож на притон.
Как будто из лыка у них вместо сердца
Бесчувственный лапоть сплетён.

Но тех, кто нам козни и пакости строит,
Кто с подлостью в сердце живёт,
На лобное место, пока что пустое,
К ответу народ призовет.

Я ухожу

31.12.1999

Я ухожу. Я сделал всё, что мог.
Я размышлял мучительно и долго,
Загнав, как пса, гордыню под замок,
Упорно сам себя травил, как волка.

Я ухожу. Я чёрт-те как устал
Быть вашим запевалой-заводилой.
Причина незатейливо проста –
На большее меня бы не хватило.

Я не со зла, не спьяну осознал:
Жизнь коротка и человек – не робот.
Мозг был готов рвануть, как аммонал.
И я не стал тянуть вола за хобот.

Я рвался в драку, и в бутылку лез,
И, как солдат, всегда держался стойко.
Идёт вовсю такая перестройка,
Что даже в тюрьмах не хватает мест.

Я слабаков снимал со всех постов.
Теперь отправил сам себя в отставку.
Открыто. Добровольно. И готов
Держать ответ, а не шнырять под лавку.

Я всё – в семью. Народ мне – как родня.
Нас пряником заморским не заманишь...

Теперь народ смешите без меня.
Я вам не рыжий клоун, п-понимаешь.

Я и сейчас легко могу отбрить
Любого. Ну а бросить всё смогу ли?
Несладко было, что и говорить,
Вам от моих решений-загогулин.

Мы неразрывно судьбами сплелись,
Невзгоды заодно тянуть впрягались.
Простите, что не все мечты сбылись.
Мы вместе жили, вместе ошибались.

Не я – другой пусть вам про счастье врёт.
Страна стоит над пропастью. Всем вместе
Нам надо дружно сделать шаг вперёд.
Не камнем вниз, а птицей в поднебесье.

Я так решил и не привык юлить.
Пусть эту лямку тот, кто помоложе,
Берёт и тянет. Так тому и быть.
Пусть справится, осилит, преодолеет.

Перед грозой не станем мы дрожать.
Есть вожаки в команде самых верных.

Я выбор сделал. Вам теперь решать.
Прошу не суетиться слабонервных.

Вас не было с нами

Жаль, что вас не было с нами, когда
Мы сквозь пургу пробивались,
Строили БАМ и в тайге города,
Спали в снегу на привале.

Жаль, что вас не было на целине
Или у печи плавильной.
Вы оказались опять в стороне –
Там, где комфорт и не пыльно.

Жаль, вас не видели в очередях,
Длинных, унылых, уставших,
И не пускали простых работяг
В распределители ваши.

Жаль, что не дорог вам Родины дым –
Пашни, заводы и храмы,
Суздаль построивший и Усть-Илим
Каменщик-плотник упрямый.

Жаль, что в душе вашей мало тепла, –
Свечку зажечь не хватило.
Или обидой судьба обожгла,
Чуткостью не наделила?

Жаль, что со временем стали видны
Планов и мыслей никчёмность,
В общее дело великой страны
Душ ваших НЕвовлечённость.

Нынче, когда наши избы в огне,
За морем вас утешают.
Мы же не будем стоять в стороне,
Если нас крова лишают.

Все наши беды – в едином узле.
Не излечить, как простуду,
Неблагодарность к родимой земле,
Ненависть к русскому люду.

Враг отступает, не выдержав бой.
Реет Отечества знамя.

Мы наконец-то гордимся собой.
Жаль, что вас не было с нами.

Худая молва

Присоседилась к парню молва,
Проросла, как репей под забором,
Шепотком просочилась сперва,
Ну а после ославила вором.

Будто он проходимец и плут,
Растрезвонит и расколоколит.
А потом «доброхоты» распнут
И туда, где больнее, насолят.

Вездесуща худая молва,
И прилипчива, и прихотлива.
Стихнет к ночи, с утра сызнава
Вдоль по улице катит приливом.

Пособьёт с горделивого спесь
И проймёт толстокожего даже.
Загибает семь вёрст до небес,
Рожи корчит, измазана сажей.

Отвернулось от парня село.
И сидит работяга без дела.
А в бездельи язык – помело.
Как по ветру, молва полетела.

Дверью хвост ей прищемишь едва,
А она по трубе – в поддувало,
Едким дымом вползает молва.
Рот открыл – до печёнки достало.

Наплетёт, позапутает след
Околесицей по бездорожью.
Тяжелее колодок навет,
Если слухи приправлены ложью.

То ль от скуки свербит у неё,
То ли стопками плещет в бутылке,
И охочим до выпивки льёт,
Зубы скалит в недоброй ухмылке.

Оклеветан – гори со стыда,
Душу горьким надсаживай криком.

Хорошо, приключилась беда.
И ушёл на войну горемыка.

.....

Жжёт напраслина мозг первачом.
Ну а спьяну – гори, моя хата!

В лихоимстве молва виновата.
Ну а мы, видит Бог, ни при чём.

Центр России

Сибирь не край России – сердцевина,
Старателей и каторжников путь.
Отсюда чётче и яснее видно
Изнанку жизни и событий суть.

Здесь каждый город мнит себя столицей –
Тобольск, Иркутск, Сургут и Красноярск.
Здесь – будь готов и к ордену в петлице,
И кандалов печальный слушать лязг.

Живём – не тужим, хоть и не по-пански.
И знаешь, друг, с учётом злобы дня
Центр нынешней России – в Туруханске¹,
Пусть даже он столице не родня.

Всё – точно и проверено научно.
И как последний штрих – сюжет былой:
Сюда царю и Сталина сподручно
Отправить было в ссылку с глаз долой.

Здесь всё к чертям летит в одно касанье,
Когда уже от горя нет житья...
Лесоповал для нас – не наказание,
А образ жизни, сущность бытия.

¹ *Туруханск* – город в месте слияния рек Енисей и Нижняя Тунгуска, историческая область в Восточной Сибири (ныне – север Красноярского края). В конце XVIII – начале XX в. место политической ссылки.

И никуда от этого не деться...
Здесь всё готово к новым временам,
И к поселенцам новым, и сидельцам,
Что волей не своею едут к нам.

Здесь смазаны ворота и затворы.
Собаки злы. Колючка – в три ряда.
И в небо упираются заборы.
Сто дней без солнца. Летом – холода.

И тем, кто за народный счёт шикуют,
Объявлен будет в Туруханске сбор.
Пусть тут они с народом потолкуют,
Разглядывая мир через забор.

На сборы – час. И путь тебе – в исподнем
Глухой тайгой неделями шагать...
А нас, судьбою битых, и сегодня
Нуждою и тайгой не напугать.

Тайга не тёща, вмиг найдёт управу
На брехунов и нытиков ораву...

Раскрой глаза, умишко растопырь!..
Не каждому Страна-Сибирь по нраву.
И жалует не всякого Сибирь.

И нам не супостаты жить мешают,
Пусть даже врать про нас и здоровы́...
Нас не обиды горькие сближают,
А равноудалённость от Москвы.

Не жалуйся, что встречен ты сурово,
Что гнёт излиха прокурор-мороз...

Но если ты Сибирью очарован,
То это и надолго, и всерьёз.

.....

У подмастерьев нынче мы во власти.
Аж зубы сводит от такой напасти...

Другое дело – мастер. Топором
И головы сечёт, и строит дом...

Вопрос лишь в том, какой нам нужен мастер...
Не спутать бы... И не жалеть потом.

Шабашники

В наш век высоких технологий
И интеграции племён
Шабашники, как бандерлоги,
Пришли из ранешних времён.

Пока крестьянин землю пашет,
А заводчанин – у станка,
Втихую полстраны шабашит,
Не-под-надзорные пока.

Бригады «дикие» по трое
Берут подряд в любой глуши.
Кому ещё в деревне строить
Коровники и гаражи?

Покуда власть нерасторопна
И нефть качает олигарх,
Страна шабашит всенародно
От безнадёжности в бегах.

Здесь всякий опыт пригодится.
И колесят по всей стране
Шабашники – не проходимцы,
С особой хваткой в пятерне.

И нет для них плохой погоды.
Раз подрядился – так изволь.
Их «баснословные» доходы
Для мытарей – зубная боль.

Пока с мечтою спит в обнимку
Неунывающий народ,
Строчит упрямо анонимку
В прокуратуру «доброхот».

Мол, им бы всыпать для острастки,
Заелись наглые рвачи.
Откуда спёрли доски, краски,
Олифу или кирпичи?

Но мало – выпороть прилюдно,
Тут надобен подход иной.
Загнать под ноготь очень трудно
Народец этот шебутной.

Как со стола чужого крохи –
Артелей небогатый фарт,
Что наши скорбные дороги
Закатывают под асфальт.

Всегда с намыленной шеей
То – в хомуте, то – под ярмом.
Не на века, зато дешевле
Поправят баню или дом.

В Новосибирске или Пскове,
Везде таких шабашек – тьмы.
Калымит тот, кто порисковей,
Недалеко от Колымы.

Разбогатеть уже не чает –
Концы с концами бы свести!
Покуда жизнь не измочалит,
Как сотню мятую в горсти.

Был нарасхват, теперь – не нужен.
Обидно, скулы сводит аж!

А мы ещё покуда дюжим.
Вот захандрим, тогда – шабаш!

.....

Порой такая блажь накатит...
Но, на судьбину ополчась,
На всё забить – гвоздей не хватит.
Хотя и хочется подчас.

Личина власти

Сказки о власти слагаются складно.
Но погляди на неё без прикрас.
Подлинной власти лицо неприглядно,
Если властитель в корысти погряз.

Царь будто сворой придворной стреножен,
Рвущейся к трону делить барыши.
Власти величие – тяжкая ноша,
Крест неподъёмный для мелкой души.

Непослушанье карается строго.
Власти и нынче характер не нов.
И безвозвратно погрязла в пороках
Свора мошенников и болтунов.

Чести лишённые, словно обузы,
Созданы для закулисной грызни
Пьяницы, психи, предатели, трусы –
Те, кто причислены к лучшим из них.

Скрыта интриг и коварства короста,
Глаз затуманила лесть-дымокур.
Сворю этой лишён благородства
Честолюбивый король-самодур.

Рабством служенье царю обернётся,
Если властитель безволен и слаб.
К власти и трону отчаянно рвётся,
Нет, не народный спаситель, а раб.

Будь ты хоть мавром, хоть бледным чухонцем,
В своре юлишь или сам по себе,
Но побеждает за место под солнцем
Тот, кто подлее в нечестной борьбе.

Танцы придворные – рынок блошинный
И подневольных решений узда,
Страх неизбывный сорваться с вершины.
Вместо духовности там – пустота.

И изменить её – тщетны попытки,
Нечего там изменять, в пустоте.
Жаден властитель, до прихотей прыткий.
Бес под ребро, седина в бороде.

Не застрахован монарх от крушений,
Князь, так случается, падает в грязь.
Вечный итог подковёрных сражений –
Бывших кумиров публичная казнь.

Но и казнив всех властителей разом,
Общество сделать счастливей нельзя.

Власть – пострашнее холеры зараза,
Ядом, как кровью, пропитана вся.

Мытарей – тьмы. Из народа в угаре
Кровушку только ленивый не пьёт.
Но не насытятся ей государи.
Трон, на крови возведённый, сгниёт.

Лишь мяснику по душе мясорубка.
Только пройдохи мечтают о ней.
Плаха – тому царедворцу уступка,
Кто злее всех или душит сильнее.

Узникам совести места во власти
Нет. Их удел – на пожарах аврал.
Свора пройдох раздирает на части
То, что веками народ собирал.

Я, было время, выгадывал, каюсь,
К власти прибиться поближе мечтал.
Одурь прошла. От себя отрекаясь,
Вровень и вместе со всеми я встал.

Ближе к земле – коренная порода.
С нею я связан единой судьбой.
Власти величие – воля народа,
Мужество жить, оставаясь собой.

Что всех объединит?

Для всех не отыскать
 связующую нить,
Или рецепт от бед.
 Он, как диета, пресен.
Идеи нет такой,
 что всех объединит
На вдохновенный труд
 и для душевных песен.

Радеет только Бог
о благе всех людей.
Пророки учат жить,
спасают мир герои.
Но каждый для себя
без всяческих идей
Старается свой дом
и угол обустроить.

Лукавит, кто зовёт
 всё ближнему отдать.
На всех у нас всегда
 хватало только водки.
Но всё же верю я:
 чтобы счастливым стать,
Не надо рвать кусок
 у ближнего из глотки.

Хорошие новости

У недоброй вести – зуд и прыть,
Мчат вприпрыжку ноги-сороходы.
И в эпоху гласности не скрыть
Ни дефолта, ни прогноз погоды.

Новости плохие продавать
Выгодно. Им как-то легче верить.
У кого всю ночь скрипит кровать?
Открывайте тайны все и двери.

Воронёной сталью у виска –
Репортажи о войне и павших.
Правду днём с огнями не сыскать
В сводках о боях – чужих и наших.

Как под ветром осенью камыш,
Нервы аж звенят, едва заденешь.
Тех, кто без ума, не вразумишь.
Мёртвого и чаркой не согреешь.

Если честно, некого винить,
Что заела бестолочь и слякоть.
Время петь и время хоронить.
Грех смеяться, если время плакать.

Учите русский

Горжусь, что русским довелось родиться.
Тем, кто от нас воротит нос, скажу:
Учите русский. Скоро пригодится.
Пришла пора. Подходим к рубежу.

Спешит Европа выучить арабский,
Чтобы ходить по пятницам в мечеть.
От скуки так ей захотелось встряски,
Горячих дней и пламенных ночей.

Но просчитались. Нет того веселья.
И взвоют европейцы вразнобой,
Когда их жён на улицах Брюсселя
Мигранты изнасилуют толпой.

В лохмотья рвутся юбочки и блузки.
Так учат демократов-дураков.
Хотите жён спасти – учите русский.
Хотя бы пару дюжин матерков.

Горланит Запад: «Мы не виноваты!
Россия – враг. С ней надо воевать».
Беспомощно пытались дипломаты
Руками жерла пушек закрывать.

Бессовестно. Абсурдно. Нелогично.
На нас потоки выплеснув дерьма,
Нацелилась опять Европа хищно
На земли россиян и закрома.

Что за беда? Ну, соврала газета.
Дерьма – лишь капля от неё одной.
Но нынче оказалась вся планета
На грани между миром и войной.

Мы бить им морду долго не решались,
А им всё больше нравилось наглеть.
У Запада в «прихожей», унижаясь,
Стояла Украина много лет.

Решив: моднее то, что инородней, –
Мечтала стать Швейцарией второй.
А стала европейской подворотней,
Для проходимцев – «чёрною дырой».

Про нас Европа сочиняет фейки.
И покупает втридорога газ.
Мы им зимою вышлем телогрейки.
Их навалом в запасниках у нас.

Мир ждёт, куда наавтра ветер дунет.
Где силы взять – все раны исцелить?
Чутьё подсказет, Бог ли надоумит –
Унять вояк и пушки зачехлить.

Лежат ракеты в штабелях, как брёвна.
От этих дров кипит котёл войны.
Но там, где учат русский поголовно,
Крепки основы мира и сильны.

Врагам России Правда негодна.
Но мир устал себе могилу рыть.

Кто англосаксам смотрит в рот сегодня,
По-русски будет завтра говорить.

КТО ОТЗОВЁТСЯ?

*Я не прошу полцарства у небес,
Не жду того, кто жизнь мою поправит.*

*Не спрашивая, тяжек ли мой крест,
Друг встанет рядом и плечо подставит.*

Мой долг

Мне этот мир не должен ничего,
Никто ничем с рожденья не обязан.
Зависит от меня лишь самого,
Обласкан буду я или наказан.

Те, кто со мной, случается, поют
Или же ищут ветра в чистом поле,
Когда от сердца что-то отдают,
То сами так хотят по доброй воле –

Любить меня, терпеть и уважать,
Делиться хлебом, чувствами и кровом.
Насильно рядом их не удержать
Приказом или окриком суровым.

Простая эта истина ко мне
Пришла не сразу. Лишь теперь открылась.
И только то общение в цене,
Что наравне для каждого сложилось.

Любовь и дружбу надо заслужить,
Доверие, сочувствие, заботу.
И тем, кто дорог сердцу, разрешить
Быть рядом, а не жить другим в угодую.

Вот перед кем ответственность моя.
За них несу все тяготы и риски.

Горжусь, что рядом есть мои друзья,
И дорожу любовью самых близких.

Я, их теплом укутан и согрет,
Как должное любовь не принимаю,
А отвечаю тем же. Этот свет,
Надеюсь, никогда не потеряю.

Уверенность во мне не сокрушить
В том, что я волен сам решать – как надо.
Мне чувство долга не мешает жить.
С собой в ладу быть – высшая награда.

Дела, где безысходности печать,
Без колебаний посылаю к чёрту.
Когда я должен, сам плачу по счёту,
А тех, кто должен мне, привык прощать.

Ещё мой долг – идти за пядью пядь
К заветной цели, что себе наметил.
День новый будет тёмн или светел –
Я от мечты не стану отступать.

Я должен быть собой, а не слугой
Кому-то. В этом дел моих основа.
Мне жизнь дана для счастья земного.
И не хочу, чтобы была другой.

Деловое братство

Крепче брони деловое содружество.
Каждый рубеж взят упорным трудом.
И, опираясь на веру и мужество,
Семь пятилеток¹ бок о бок идём.

Каждый из нас, поднимаясь и падая,
Вёл за собой ломовую артель.
Даже когда был отмечен утратою
Путь непростой и далёкая цель.

Верные слову, способные выстоять,
Духом не падали от неудач.
И приходила победа небыстрая
Вслед за решением трудных задач.

Крепкий характер, закваска рабочая.
Можем и лом, если надо, согнуть.
Друг позовёт – поднимусь среди ночи я,
Чтобы в неблизкий отправиться путь.

¹ В апреле 2024 г. исполнилось 35 лет со дня создания Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий – делового союза Сибири.

Честь сберегли, да и совесть не продана.
И мимо горя не шли стороной.
Крепко лишь то, что трудом заработано,
Светлым умом и рабочей спиной.

Энтузиазм и команда надёжная
Выручат и отведут от беды.
Как никогда в это время тревожное
Дорог заводов и Родины дым.

Нас не пугает гроза и распутица.
Хватит и ревности к делу, и сил.
И вокруг тех изначально, кто трудится,
Вертится мир. Нет надёжней оси.

В общее дело я искренне верую.
Рядом друзья нерушимо стоят.
Каждый ответит тебе той же мерою –
Слово замолвит за други своя.

Ноша пускай тяжела, но не брошена.
Бог не по силам креста не даёт.

Всё, что задумали, будет продолжено.
Время не ждёт. И команда – вперёд!

Десятина

Николаю Александрову

Я от мира сего
и рукастый в быту,
И земной по делам и по нраву.
И доподлинно верю
в свою правоту,
Отвергая соблазнов ораву.

От житейских проблем
 не скрываю лицо
И приметам не радуюсь скверным.
Я живу в стороне
 от корыстных дельцов
И поближе к соратникам верным.

С ними крепок мой дух,
 словно вечный гранит.
Мне на них уповать и равняться.
А рублёвый кураж,
 хоть убей, не пьянит,
И за прибылью скучно гоняться.

Так богатым не стать.
 Так не ищут чинов.
Но тревожным, сочувственным взглядом
Оглянусь невзначай,
 и пронзит до основ:
Как же всё неустроенно рядом!

И с катушек слетев
 и сорвавшись с оси,
Виджу: годы уходят и сроки.
Будто пел – не допел,
 будто голос осип
В самый важный момент и высокий.

В нерадивости снова
 себя я корю,
Будто душу грехи поразили.
Что-то сделать ещё
 нетерпением горю:
Перепеть, превозмочь, пересилить.

Подустав от пустой
 болтовни и шумих,
Жить стараюсь осмысленно проще.

И проклюнутся зёрна
стараний моих,
Зашумят зеленеющей рощей.

Смысл жизни не в том,
чтоб считать барыши
Или нежить утехами тело.
Отдаю десятину
тепла и души,
И усилий на общее дело.

Пусть кафтан дыроват
и сорочка мала.
Не беда... Подошла бы заплатка.

Всё, что дорого мне, –
и слова, и дела –
Целиком отдаю без остатка.

А корысть моя в том,
что узнать бы хотел
Тайну счастья, быть может, простую.
И увидеть успеть бы
следы своих дел,
И понять, что живу не впустую.

Ушёл мой Друг

Памяти Анатолия Масалова

Ушёл мой Друг. И гнёт меня
Невыносимая усталость.
Но часть его со мной осталась
Теплом сердечного огня.

С утра захвачен был врасплох
Я этой вестью ошалелой.
Мрак снизошёл на свет наш белый.
В свой полк зачислил Друга Бог.

Он вышел в самый дальний путь,
Туда, откуда нет возврата.
И эта горькая утрата
Сдавила тяжким камнем грудь.

Так на душе нехорошо.
Метут декабрьские вьюги.
От недосыпа и с натуги
Друг надсадился и ушёл.

Боль придавила до земли.
И скорбь медведем навалилась.
Господь, смени свой гнев на милость,
Мои печали утоли.

Мой Друг ушёл за перевал
Ему лишь ведомой тропинкой.
Он в час лихой глядел с хитринкой
На мир наш и не унывал.

Он был горяч порой и лих.
Но кто не делает ошибок –
Для дел великих слишком хлипок.
И Друг мой был не из таких.

Он к цели шёл всегда, как в бой.
Сомненья все отбросив напрочь,
И мы маршировали, Карпыч,
Одной дорогою с тобой.

Нам было много дней дано.
И каждый памятен уроком.
Друг мог обидеть ненароком,
Но сподличать – исключено!

Перед уходом был мой Друг
Угрюм, измотан, измочален.
А мы почти не замечали,
Что он вошёл в фатальный круг.

Болело сердце у него
За дело и людей бессонно.
Он знал в лицо и поимённо
Всех заводчан до одного.

Ему назначен был оброк
Неумолимо неминучий.
И скорый на расправу случай
Его коварно подстерёг.

Ему б ещё с десяток лет
Прожить и дел осилить ворох,
Полезных и больших, в которых
Его неизгладимый след.

Он жил не ради похвальбы –
Весомо, дерзко и азартно.

В кого из нас придётся завтра
Удар безжалостной судьбы?

Упущенное время

Летели годы или волоклись,
К земле сгибали или окрыляли.
Мы не кляли свою земную жизнь
И внеземную сдуру не искали.

Туда-сюда минутами сорим,
На то на сё часы бездарно тратим.
И вроде бы не тлеем, а горим.
И кажется, что будущего ради.

Но всё банальней, как ни городи.
К исходу дня к себе безмерна жалость.
К великим целям – долгие пути.
Сил для свершений трудных не осталось.

От прошлых дел у многих – ни следа.
Вся жизнь – две даты на надгробных плитах.
Растрочена неведомо куда,
Профукана, проиграна, пропита.

А время никого не будет ждать.
Кто не спешил, с годами сонно киснет.
Полжизни умудрившись промотать,
Был чем угодно занят, кроме жизни.

Ретив был недостаточно и смел
Там, где секунда, кто есть кто, решала.
Для главных дел собраться не сумел.
Опаздывал. Всё что-нибудь мешало.

Вперёд и вверх не рвался и отстал,
Хоть было всё, казалось бы, по силам.
Достичь того, что мог, о чём мечтал,
Ни времени, ни форта не хватило.

Да разве жизни цель – не околеть?!
Сберечь себя в пожаре... на морозе?
Упущено бесценных столько лет.
Продлить бы их. Кого о том попросишь?

Усталости с годами накопил.
Мутит, как будто в море укачало.
Там недоделал, тут недолюбил.
Не превозмог. И – затевай сначала?

Но было недосуг и недомиг.
Ненáдолго... А годы пролетели.
Хотел. Дерзал. Но мало что достиг.
Не тот размах. И неказисты цели.

С рождения и до преклонных лет
Хотел любви, удачи и богатства.
Всё будто есть – минуты лишней нет
Зажечь звезду, которая погасла.

Отставших, нас неисчислима рать.
Как сложится, живут простые люди.
И не вольны мы время выбирать –
Другого подходящего не будет.

От случая каких подарков ждём?
Ведь годы беспощадны к попрошайкам.

По лужам скачут дети под дождём.
Им времени на ерунду не жалко.

У них пока что невелик росток,
Но в каждом есть недюжинная сила.

А мы для них залезть готовы в долг,
Свое отдать, чтоб им на всё хватило.

Самосуд

Память – словно бездонный сосуд,
Жаром лет обожжённая глина.
Память к старости, как самосуд,
Беспощадна и неумолима.

Начинаешь под вечер считать
Годы, беды, обиды, победы.
Можно даже смертельно устать
И подумать, что песня допета.

Можно просто забыться в тиши,
К прошлой жизни прислушаться чутко.
Недочувствие – чёрствость души.
Недомыслие – скудость рассудка.

Миг прошедший застыл, как янтарь.
Письма лет сургучом запечатаны.
Припорошенный временем ларь.
Наслоения дат непроглядны.

Жизнь – река. Не сломать бы весло.
На стремнине – холодные воды.
Загребло в быстроток, понесло
На пороги и в водовороты.

Как я жил на изломе времён?
С собутыльником каждым – как с братом.
Ёрник, враль, балагур, пустозвон,
Спьяну тешился трёпом и матом.

Стал для дела со временем гош.
Бит бывал, но не сделался злее.
Всех достоинств былых не пропьёшь
И от прошлого не захмелеешь.

Надо жить, не пугаясь грозы.
Страх опоры лишает и старит.
Синь небес режет глаз до слезы
И лицо очищает от хмари.

Пониманье – приходит оно
На последнем, возможно, дыханье.
Если всё наперёд прощено –
Нет и повода для покаянья.

Верю, прожиты были года
В назидание и в наученье,
Впрок, на память, навек, навсегда –
Всех простить и дожить до прощенья.

Сосед

Не-доверчив мой сосед

да и не-приветлив.

Задуманных с ним бесед не веду давно.

И повсюду видит он

западни и петли.

Не-избежно. Испокон так заведено.

Не-покладист и ершист

мой сосед не в меру.

У него всегда першит в горле не к добру.

Не-согласен он ни с кем.

И принять на веру

Чьи-то бредни на песке – не-разумно. Врут.

Не-весёлый сей аккорд

для него привычен.

Не-уступчив он и твёрд, словно монумент.

Подходил такой оскал

лишь для зуботычин.

Вот сосед и не искал радостных примет.

Будто сам себя душил.

Стало не-стерпимо.

Для чего на свете жил, видимо, забыл.

И о главном не успел

рассказать любимой,

Потому что не-допел. И не-долюбил.

Привычка

Я знаю: привычка – вторая натура.
А первая что? Догадайся поди.
Кому-то – толпу веселить балагуром,
Кому-то – в походе идти впереди.

Привычный порядок надёжней, наверно.
С ним как-то спокойнее дней череда.
Но есть непреложная закономерность:
Так будет комфортно, увы, не всегда.

Досадно дымить обгорелою спичкой,
Со скукою серою быть заодно.
Любовь и талант убивает привычка,
Обыденность тянет, как камень, на дно.

Кто делает всё, как всегда, получает
Всегда то же самое. Этим и сыт.
Вот так и меня заманить калачами
Непросто туда, где погибель грозит.

Несу свою верность традициям гордо.
И всё же, хлебая с ромашкой чай,
Хочу напролом за границы комфорта
Шагнуть или выскочить из колеи.

Взять новый рубеж, разомкнуть горизонты,
Под парусом в море уйти далеко,
Подняться наверх и осилить высоты,
Которые выше седых облаков.

Пусть чаша терпенья уже опустела
И верить устал, что удача близка,

Пусть даже никто это прежде не делал –
Ищу там, где прежде никто не искал,

Возможности новые, место для старта,
Дороги и дело себе по душе.
И каждый свой день начинаю азартно.
А время... Не так его много уже.

Цепляться за старое – закостенелость.
И ветхие рамки пора поменять.
Не всё получается так, как хотелось,
Ведь жизнь – не спокойного озера гладь,

Скорее, стремнина реки полноводной,
Где в пенных порогах кипят буруны.
А тот, кто по жизни плывёт беззаботно,
Узнает, как воды бывают черны.

Пора проявить кругозор и характер,
Осмысленно, а не урывками жить.
Реально, а не перепиской «ВКонтакте»
За грань небывалый прорыв совершить.

В спасатели мира не рвусь самозванцем.
Но даже и в бурю на хлипком плоту,
Пока я дышу, мой девиз: «Не сдаваться!»
Есть цель и дорога, которой иду.

Кто отзовётся?

У меня замолчал телефон.
Лишь к обеду я это отметил.
Разрядился, наверное, он?
Нет. Запас батареи – две трети.

Я от бед отмахнуться бы мог –
Не звонит телефон, ну и ладно.
Он ещё оживёт, дайте срок,
Наверстаёт пробел многократно.

Вот доносится издалека
Отголосок как будто бы звона.
Но уже паникую слегка –
Неуютно мне без телефона.

Я от поезда будто отстал,
Сбился с общего звонкого ритма.
Голос – твёрдый гранёный металл –
Искрошился, как ржавая бритва.

От идеи спасительной вдруг
Обнадёжился я простодушно.
Надо друга набрать: «Слушай, друг,
Позвони мне сейчас. Очень нужно».

Друг вопросами мучить не стал.
Мол, конечно. И выключил трубку.
Битый час я впустую прождал.
Недосуг было, видимо, другу.

Я без дела скучать не привык.
И забот, и затей – изобилие.
Но случился болезненный сдвиг
В голове: «Не звонят. Позабыли?»

Телефон онемевший лежит.
Нам, пожалуй, теперь не ужиться.
Тишина тишину сторожит.
Хоть бы номером кто-то ошибся.

И тогда я решил: хватит ныть
И скорбеть над суровой судьбиной.
Я решаю, кому позвонить:
Не друзьям, не богам, а любимой.

* * *

Пусть не сразу мы осознаём,
С кем осилить нелёгкую трассу.

Есть ещё в телефоне моём
Номера, что откликнутся сразу.

Макаровский бальзам

Моему другу Николаю

1

Пройдя какую сотню баров,
Здесь и за тридевять земель,
Я вник: не Молотов – Макаров
Придумал огненный коктейль!

Иные годы и не вспомнишь.
В теплушках ли, в товарняках
Нам приходил всегда на помощь
Бодрящий дух стакан в руках.

Пусть для кого-то это резко,
Но если ты мне друг и брат,
Со мной отведать не побрезгуй
Бальзам бродяг – денатурат.

Пусть эта блажь – сродни сиротству.
И может быть здоровью вред.
Пусть в нём – ни капли благородства,
Но есть загадка и букет.

Напрасно преданный забвению,
Сродни библейским чудесам,

Родился не без вдохновенья
Коктейль «Макаровский бальзам».

Рецепт любому пригодится.
Тут важно не переборщить,
В пропорциях не ошибиться.
Конечно... если хочешь жить.

Кто не избалован нарзаном,
Тот непременно в корень зрит.
Коктейлем, пусть не лучезарным,
Макаров мёртвого взбодрит.

Пивком не обмануть натуру.
Берём перцовки двести грамм
И добавляем политуру,
Чтобы не мёрзнуть по утрам.

Для крепости – денатурата
На глаз (но лучше – не на свой).
Лишиться чувств от аромата
Случается, кому впервой.

И наконец – сто грамм «Агдама»,
Чтоб захотелось повторить.
Конечно, пить его при дамах
Неловко, что и говорить.

2

Да был бы я хоть лютым зверем,
Сверх меры злобствовать не стал,
Приговорённым к высшей мере
Я выпить бы бальзаму дал.

Приняв семьсот, я так же бодро
Шагал наперекор судьбе.
И что такое «Сучий потрох» –
Испробовал я на себе.

В пустом вагоне ночью зимней
Никто нам не стелил перин.
Мы заливали «Потрох синий»
В себя, как нитроглицерин.

Такая жизнь – не окаянство.
Она, уж коли до краёв, –
Духовный подвиг, а не пьянство,
Прорыв из быта в бытиё.

3

А тем, кто не готов к бальзаму,
Рекомендую «Порожняк» –
Коктейль, быть может, и не самый,
Но чтоб унять мандраж – верняк.

В смесь самогона и портвейна
Махорки добавляем горсть,
И совершенно безыдейно –
Шампунь «Садко – богатый гость».

Благоуханье источает,
Пахуч и странен этот пунш.
Бодрит и тех, кто был в печали,
Не хуже, чем контрастный душ.

4

Всем вкусам время есть и место.
Кому – отстой, кому – экстаз.
Попробуем «Слезу невесты»
Как приглашение на вальс.

Мы, словно в мыслях воскрешая
С возлюбленной прекрасный день,
Бокал шампанского смешаем
С духами «Белая сирень»,

Флакон зубного эликсира
И пива светлого стакан
Сольём, чтоб полюбить полмира
Нам захотелось, чудакам.

5

Такой букет умы тревожил,
Когда-то был совсем не плох
Для вдохновенной молодёжи.
Но для серьёзных выпивох

Такое баловство – ошибка.
От дряблости спасает дух
Тосол и тормозная жидкость.
Или хотя б – одно из двух.

И к ним, не ради лицедейства,
Пойдёт портвейн «Три топора».
К таким коктейлям тяга с детства
У нас. А если так – пора!

6

Не поливать же этим фикус?!
Как прежде, пусть не по рублю,
Я лишь немного пообвыкнусь
И солидарность проявлю.

В пивнушке, в рюмочной, в подъезде
С устатку, на исходе дня
Уходим со стаканом вместе,
Куда Макар телят гонял.

Кому-то, может, мира мало.
Но мы сознательно скромны,
Осмыслив после трёх бокалов
Былой размах и мощь страны.

Мы все тогда рвались к вершинам,
Устой ветхие грома.
А водку мерили аршином –
Пятнадцать шкаликов стоймя.

Не то чтоб я хочу обратно,
Но было время, вспомни сам,
Когда глоток денатурата
Мы принимали за бальзам.

Не часто павших воскрешая,
Жить по наитию вольна,
Благословляет нас большая,
На всё готовая страна.

* * *

Был озадачен я судьбой вдвойне,
Приняв неожиданно подзатыльник шалый.
Их было больше, чем хотелось мне,
Но меньше, чем могло бы быть, пожалуй.

В обман поверил – сам тому виной.
По глупости на хитрецов батрачу.

Пусть лучше посмеются надо мной,
Чем, сердце надорвав, меня оплачут.

Что жребий мой – впрягаться и терпеть,
Я рано понял. И не жду подарков.
Под настроенье было бы с кем спеть
И не загнуться, если станет жарко.

Я не прошу полцарства у небес,
Не жду того, кто жизнь мою поправит.

Не спрашивая, тяжек ли мой крест,
Друг встанет рядом и плечо подставит.

* * *

Интеллигент российский – это
Тот, кто всерьёз умеет пить.
Не так, чтобы не видеть света,
А чтоб обиду утопить

На жизнь. Такой запой – на месяц.
Ну а неделю пьют одну,
Слетев с катушек или с лестниц,
От раздраженья на жену.

А каждый день стакан «пузатый»
В руках затем, чтоб, скорбь дробя,
Пить от немислимой досады,
В сердцах на самого себя.

.....

В запой уходят, как в разведку:
Сплочённо, группами, во тьму.
А возвращаются нередко
В беспамятстве по-одному.

Я пойду до конца

Если ногу свело,
И в душе кавардак,
И опять всё пошло
Не туда и не так,

Если волю к борьбе
Нелегко пробудить,
Брошу вызов себе,
Чтоб себя победить.

Испытанию воль
Предстоят рубежи.
Если чувствую боль,
Значит, я ещё жив.

Вот пройду поворот,
А потом разберусь,
Из каких я пород,
Если «насмерть» упрусь.

Воздух начал кипеть,
Всё труднее дышать.
Сколько можно терпеть,
Продолжая бежать?

Сколько можно глотать
Эту тяжкую муть?
Что бы ни было – вспять
Не могу повернуть.

Ноги – как из свинца.
И под ложечкой боль.
Я пойду до конца,
Если справлюсь с собой.

Я борюсь с чернотой,
Муть зубами грызу.
Отдохну за чертой.
Добегу. Доползу.

Вижу финиш вдали.
И шепчу: «Соберись!»
А другие сошли,
Потому что сдались.

Но гордиться пока
Даже повода нет.

И настал для рывка
Подходящий момент.

Силы, сколько их есть,
Соберу. Украду.
Если выложусь весь –
Оторвусь. Обойду.

Нервы – на волоске.
И, увидевши брешь,
Я в последнем броске
Пролетаю рубеж.

.....

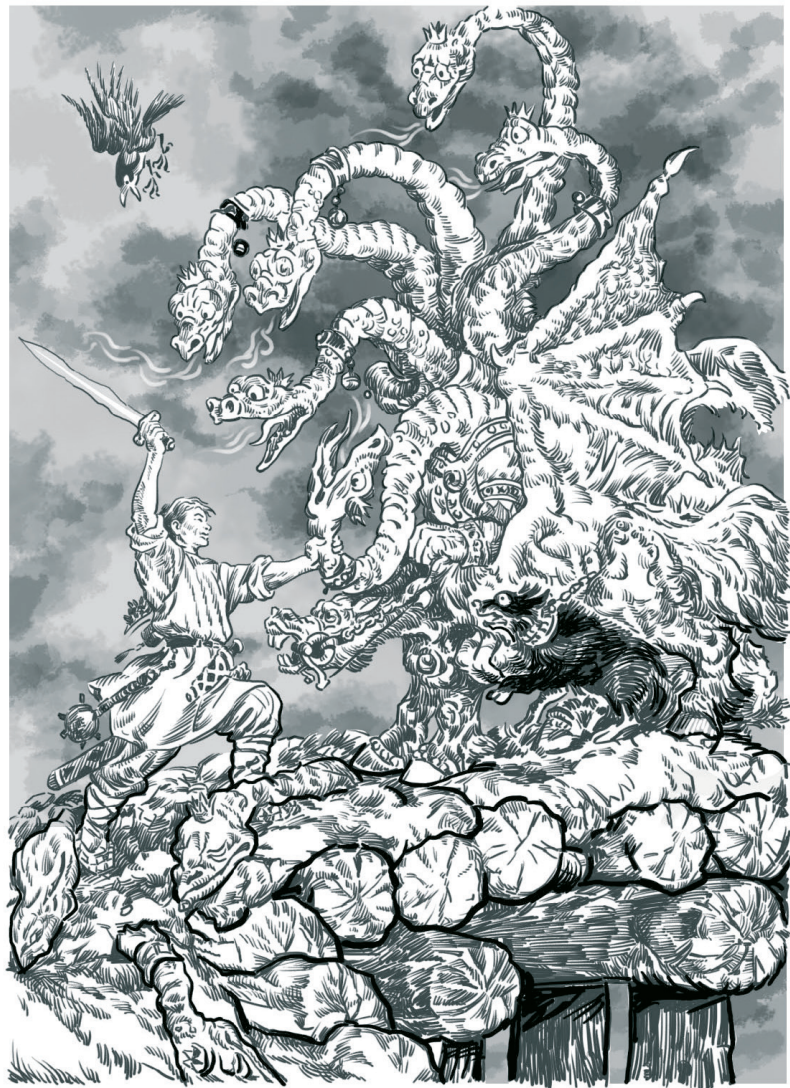
Дотерпел. Превозмог.
Пересилил. Гожусь.
Взял тайм-аут для ног.
Отдышусь. Отлежусь.

И – едва не пою,
Что рубеж позади.

Улыбаясь, встаю,
Чтобы дальше идти.

СИЛА БОГАТЫРСКАЯ

*Если сильно припечёт,
Мы встаём к плечу плечо
За страну родимую –
Рать непобедимая.*

На Калиновом мосту¹

На Калиновом мосту
Я – в дозоре на посту.
За рекой Смородиной
Полыхает Родина.

Впереди – густой туман,
Лес нехоженный – урман².
Путь открыт лишь ворону
На другую сторону.

Порубежье, грань миров.
Край опасен и суров.
Сторона Кашеева,
Логовище Змеево.

За Калиновым мостом
Под ракитовым кустом

¹ *Кали́нов мост* – мост через реку Смородину (Пучай-реку, то есть бурлящую и вспучивающуюся от жара) в русских сказках и былинах, соединяет мир живых и мир мёртвых. За Огненной рекой жил Змей Горыныч и стояла избушка Бабы-яги. Здесь витязи и богатыри сдерживают силы зла, угрожающие добру. Название «Калинов мост» происходит от слова «калить» – разогревать докрасна или добела.

² *Урман* (тюрк.) – дикий, необитаемый, дремучий, обширный, темнохвойный лес (пихта, сосна кедровая, ель) по болоту, на приречных участках таёжной зоны Сибири.

Дрыхнет, кочку тиская,
Сила богатырская.

За рекой сгустился мрак.
Затаился лютый враг.
Значит, обязательно
Он подступит затемно.

Зарябило по воде.
Чую, братцы, быть беде.
Вражья сила движется,
Аж земля колыхнется.

Эй, дружина, хватит спать!
Опозоримся опять,
Если, как поленья,
Дрыхнет подкрепление.

Мост Калиновый в огне.
Начал тлеть кафтан на мне.
Змей трёхглавый скалится,
Съесть меня бахвалится.

Он ударами хвоста
Сбить хотел меня с моста.
Но не дрогнул, выстоял,
Одурев от свиста, я.

Тварь поганая борзá:
Жжёт огнём, слепит глаза.
Крепко упирается,
Одолеть старается.

Зло, пока мы были врозь,
Принаглело, разрослось.
С ним дубиной-палицей
Нынче не управиться.

На душе печаль-журба –
На корню горят хлеба.
Родина обижена,
Вытоптана, выжжена.

Речка вздыбилась волной.
Закачался подо мной,
Словно лист осиновый,
Древний мост Калиновый.

Но не рухнул, хоть трещит.
Так и я не лыком шит –
Голову змеиную
Угостил дубиною.

Если сильно припечёт,
Мы встаём к плечу плечо

За страну родимую –
Рать непобедимая.

На Калиновом мосту
Грохот слышен за версту.
Бьёмся мы с вражиною
Сообща дружиною.

Кто булатом, кто копьём
Без пощады Змея бьём.
Рубим, рубим, но, увы,
Отрастают головы.

.....

Там, за Огненной рекой,
Не искали мы покой,
Жечь мосты готовые,
Головы бедовые.

В самый грозный день и час
Ратный дух разбудят в нас
Там, за далью синею,
Святогор с Добрынею.

Там, где времени разлом,
Вечный бой добра со злом.
Ходят тучи чёрные.
И не спят дозорные.

Про сердитого царя и про то, как жить не зря

Как на дальней на заставе
Кто-то крался за кустами,
Нёс депешу в рюкзаке.
А граница – на замке.

Засекли шпиёна стражи,
Хоть и прятался в овражек.
Крепко, рвения полны,
Ухватили за штаны.

Он струхнул чуток, потея.
Раскусил дозор злодея.
И решили не гадать –
Для острастки в ухо дать.

Пусть, пока не оклемался,
Скажет, как тут оказался.
«Говори, но знай: у нас
На брехню намётан глаз».

Отвечал шпиён с поклоном
(Но разил одеколоном),
Мол, незнамо брёл куда.
Не взыщите, господа.

Да... с таким не сваришь кашу.
Потрясли его поклажу.
Стало ясно: в эту глушь
К ним пробрался тёртый уж.

Не ватрушек с калачами
Полон короб за плечами –
Два подмётных в нём письма,
Содержательных весьма.

Не гляди, что глушь лесная, –
Пограничник службу знает
И спешит, поймав врага,
Обломать ему рога.

За измену бьют нещадно
И ругают непечатно.
А уж если припечёт,
Стража голову сечёт.

Разговор у них короткий.
Как карась на сковородке,
Письмонос заегозил
И пощады запросил.

Недоверчиво-колючий,
Был дозор чернее тучи:

«Мы весь день на нервах тож.
Вынь нам правду да положи».

И поведал им лазутчик:
Есть, мол, к каждой дверце ключик.
Мол, народец нынче слаб:
Кто на деньги, кто на баб.

Для наживы ближних травят,
Под себя законы правят.
Воздух портят, вечно врут,
Из казны безбожно прут.

И один из них, волчина,
Крал без меры свыше чина.
Ну и, алчностью горя,
Предал батюшку-царя.

.....

Пограничники про вора
Донесли начальству скоро.
И отправился гонец
К государю во дворец.

На кобыле разномастной
Рысью мчался сокол ясный.

Оказалось, что не зря
Встал ни свет он ни заря.

Путь-дорога сколь ни длится –
Прискакал гонец в столицу.
Грудь – тележным колесом,
Выступает молодцом.

Сапоги сияют глянцем,
А лицо горит румянцем.
Шаг печатая, идёт:
«Царь меня с докладом ждёт».

Но бояре захотели
Расспросить гонца о деле.
Доброй чаркою винца
Наградили молодца.

Разносолом угостили,
Но к царю не допустили.
Чтобы слухи не пошли,
В Тайный сыск его свели.

Донесение отняли
И на дыбе приподняли,
Чтобы он умерил прыть
Дальше носа землю рыть.

Наш гонец в быту не страшный,
Но – зверюга в рукопашной.
Жаль, бояре простака
Повязали по рукам.

Ох, невесело на дыбе.
Кнут слезу из камня выбьет.
Не уведал царь-отец,
Как и где пропал гонец.

.....

А народишко болтает:
Заграница процветает.
У неё – на подлость зуд.
На Россию точит зуб.

И за талеры-ефимки¹
Казнокрады-невидимки,
Лишь в кордонах сыщут брешь,
Шлют секреты за рубеж.

Стали баловать бояре
За спиной у государя.
Да от жадности опух,
Почитай, один из двух.

¹ *Ефимки* – старорусское обозначение западно-европейского серебряного талера с изображением святого Иоахима (XVI–XVIII вв.).

Как бояре ни жируют,
Всё никак не разворуют
Закрома родной страны,
К ней презрения полны.

А представ пред царски очи,
Каждый голову морочил,
На других бояр пенял
И туману нагонял.

И от этой показухи
Царь всё время был не в духе.
Пресекал как мог разврат,
Свету белому не рад.

Нагонял на челядь страху,
От досады рвал рубаху.
А изволит осерчать –
Звал немедля палача.

Но частенько час расплаты
Поджидал невиноватых.
И старались сыскари
От заката до зари.

.....

Служишь верою и правдой –
Зря не суйся за наградой.
А тому, кто вороват,
При дворе почёт и фарт.

Ох как надо, мбчи нету,
Извести породу эту.
Нынче – та же чехарда.
И воруют без стыда.

Мне за Родину обидно,
Что стояла монолитно.
Но великую страну
Раскатали по бревну.

За какие прегрешенья
Лезет к нам без приглашенья
Всяка нечисть на рожон,
Промышляя грабежом?

И предатели, заразы,
Ездят только первым классом.
А народ – всегда в страде
На лошадке в борозде.

Верим мы, что Бог не выдаст,
Хоть уже с лотка навывнос

Наши недра продают
И на Родину плюют.

От такого огорченья
Соберётся ополчение.
Полыхнёт, не рóвен час,
На измену ополчась.

Чтобы нынешним боярам
Зад намазать скипидаром
Непременно пользы для,
Государя веселя.

Ну а с нас с тобой, дружище,
Государь, поди, не взыщет.
Кое-как уберегли
Мы родную пядь земли.

Мы ещё чего-то стоим,
Чтобы справиться с бедою
И найти того гонца,
Что пропал не до конца.

Воин наш непобедимый
На посту стоит, родимый,
Не предавший никого.

Вся наде́жа на него.

* * *

Что ж... встать с колен мы всё-таки смогли.
Чему опять не рада заграница.
И за рублём упавшим наклониться
Придётся до земли.

* * *

Пусть не спешит нас, русских, огорчать,
Борзея, зарубежная печать.
Опасно мазать дёгтем нашу дверцу.
Мы, если что, начистим репу перцу
Или по тыкве можем настучать.

* * *

У Запада поблажек не проси...
Нас предадут анафеме и тифу
И рвутся спину резать на ремни...

Но вера в нас – надёжнее брони.
И пробудиться, Боже упаси,
В душе российской дремлющему скифу¹.

¹ *Скифы* – древние кочевые племена иранского происхождения (язиги, бастарны, роксоланы и др.). Создали Великое царство, заняли Северное Причерноморье (доминировали в Азии в IV–I вв. до н. э. от Дуная до Волги). Имеют непосредственное отношение к этносу русов.

Вали-Гора и Вырви-Дуб

Испокон веков народу
И Святой Руси в угоду
Служат с ночи до зари
Вблоты-Богатыри.

Были вскормлены зверями,
Чтобы стать богатырями,
Великаны-могуты,
С Перуном самим – на ты.

Вырвидуб – матёрой львицей,
А Валигорá – волчицей,
С молоком их переняв
Вольный дух и дикий нрав.

Не укрыть одним тулупом
Валигóру с Вырвидубом.
Невзначай могли во сне
Зашибить они вполне.

Ну а если на границе
Лютый ворог колготится,
Богатырская рука
Силам Тьмы намнёт бока.

А когда покой в округе,
Куролесьят наши други –

Сажень мерная в плечах,
Гром и молния в очах.

Словно латкою прореху,
Перекроет камнем реку
Или вывернет с утра
Пару гор Валигорá.

Нравом крут, на руку скорый...
Но привычку двигать горы
Вырвидуб не одобрял,
Валигóру укорял.

Дубом вырванным могучим
Разгонял он в небе тучи,
Разминал слегка бока,
Скушав целого быка.

Дуб – совсем другое дело,
Если действовать умело:
Вырвал с корнем – и маши,
Супостата сокруши.

И особым уговором
Вырвидуба с Валигóром
Дружбу был закон крепить:
Брагу вёдрами не пить...

.....

Сколь ни пей, на дне стакана
Не отыщешь великана...
Коли хата без дверей,
Поздно звать богатырей.

Не поможет и Создатель,
Коль ты сам себе предатель.
Бесполезно ждать чудес,
На себе поставив крест.

Спать довольно на печи.
Поднимайся – хоть кричи!
Даже если двадцать лет
Пролежал, как старый дед.

Пусть судьба твоя – волчица
И нужда в окно стучится,
Плюнь в кулак, хлебни кваску...
Прочь гони печаль-тоску.

Если дел гора придавит,
Валигёр плечо подставит.
Если злая гнёт напасть,
Вырвидуб не даст упасть.

Пусть мы – не богатыри,
Грудь расправь и нос утри.
Рвёмся в бой – не егозим...
Повоюем... побузим!

ОСКОЛКИ-ОТГОЛОСКИ

* * *

Бежать к врачам – удел убогих бабок.
Но мужика не испугать и ломом.
Когда в спине торчит копыя обломок
И спать мешает – повернётся на бок.

По пустякам не станет суетиться.
И лишь тогда к врачам он обратится,
Когда обломок, что торчит в спине,
Мешает спать жене.

* * *

– Любимая, скажи мне, почему
Бог создал вас – одна другой красивей?

– Затем, – она ответила ему, –
Чтоб вы любимых на руках носили.

– Зачем же глупость женщине дана?
– Чтоб вас любить, – ответила она.

* * *

Я никогда не возражаю мужу.
Зачем? Всё будет так, как я молчу.

* * *

Мудрых мыслей всюду изобилие.
Есть такие, как глубокий вздох.
Взять хоть надпись на автомобиле:
«За рулём жена. Храни вас бог!»

* * *

Хрупкий мир убережёт
и украсит женщина
Даже там, где вечный лёд
и пески пустынь.
Испокон веков она
с вечностью повенчана.
Для неё в погожий день
ярче неба синь.

* * *

Мужчинам надо мало, но от многих.
И здесь не важен возраст или чин.
А женщинам так много, но в итоге
Лишь от несуществующих мужчин.

* * *

Всего лишь раз сказала «нет» в сердцах,
Но с гордостью смазливому плейбою.
Минута славы! Два часа в слезах.
И третий день в запое.

* * *

Жена ушла с другим. Порочный круг.
Теперь мой друг с ней. Я же – не в обиде:
Его в глаза я никогда не видел,
Но он теперь мой самый лучший друг!

* * *

Если вам хочется с девушкой милой
Вечером вместе пойти в ресторан,
Но предложение она отклонила,
Ваших душевных не чувствуя ран,

Не распаляйтесь, отвергнутый витязь,
Нервных не надо устраивать драм.

Вечером внуками лучше займитесь.
Будет спокойнее внукам и вам.

* * *

Жена роняет вилку – это значит
Приедет мама. Не поспоришь тут.
А муж уронит что-то – он свинячит
И руки у него не там растут.

* * *

Как много мы прощаем человеку,
Его жалея, если он – Она.

* * *

У Курицы развилось самомнение.
«Никто не ценит, – жаловалась Псу. –
Я разберусь с хозяйкой в воскресенье!»
И Курице пришла повестка... в суп.

* * *

На голос женщины способно
Фатально курево влиять.
Кто сомневается особо –
Стряхните пепел на кровать.

* * *

Секс – это наслаждение. Но с годами
Всё больше риск: то сердце барахлит,
То ноги, будто ржавыми болтами,
Скрипят и ноют, то спина болит.

Хрипит в груди, не слушаются руки,
И кашель разрывает на куски,
Трещат и рвутся от натуги брюки.

И это я всего лишь снял носки!

* * *

Я изменил жене. Какая низость!
Шепчу, печалюсь: «Господи, прости».
(Как из штанов я умудрился выпасть
И свой запал не удержал в горсти?)

«Один лишь только раз – такая малость.

Я каюсь. Хочешь, накажи меня,
Но и жену оставь».

Бог просьбе внял
И наказал –
жена со мной осталась.

* * *

Назойливо зудит звонок,
По нервам бьёт, как подзатыльник.
Да чтоб вас! Я ж едва прилёт!
– Алло, кто это?
– Я, Будильник.
– Случилось что? Пожарных звать?
– Так утро... и пора вставать.
– Опять?!

* * *

Как раньше, не нужно сегодня
искать дефицит заполошно.
Кругом изобилия царство.
И не на что будто роптать.
Чем дальше, тем меньше повсюду
того, что купить невозможно.
Всё больше того, что при этом
уже невозможно продать.

* * *

Пусть виновный себя утешает,
Мол, опять на своём настою.
Отрицая вину, разрушает
Неизбежно он личность свою.

* * *

– Чем-то в детстве увлекался?
– Рисованьем. Блажь была.
– А потом?
– Потом попался.
Мама это всё нашла.

* * *

Я оплатил услуги коммуналки,
И рухнул рейтинг мой в журнале Forbs.

* * *

Ты ярости владеть не позволяй
Тобой... И гнев, как меч, не оголяй.
Закрой глаза и сделай при закрытых
Глубокий вдох... неторопливый выдох...
Расслабься... Глаз открой... Теперь стреляй.

* * *

Худею. На три дня напарил гречки.
Терпел весь день. Всю ночь лежал без сна.
Сижу наутро, хмурый, на крылечке.
Вот так ещё два дня – и мне хана!

* * *

Почему-то всех денег
 заработать нельзя.
Или водку, хоть лопни,
 всю на свете не выпьешь.
Заработать все деньги
 не помогут друзья,
А пропить – только свистни.
 Попробуй – увидишь.

* * *

Живут по-королевски англичане,
А вот едят, как лошади, овёс.
Французы же в еде необычайно
Изысканны. И задирают нос,

Пока им кто-то по́ носу не двинет.
А русские, Европе вопреки,
То в мыле, будто лошади, то в инее.
К самим себе безжалостно строги.

Щедры по-царски в день хмельной базарный.
То мчатся вдаль, то – задом наперёд.

Ну а порою так неблагодарны
По-свински.
Просто оторопь берёт.

* * *

И сахар – яд, и соль,
Табак и алкоголь.
В продуктах – суррогат,
И соя – повсеместно.

В рекламе правды нет.
Лекарства все – во вред.

И лишь платить налог
Разумно и полезно.

* * *

Как вам, друзья, глава района новый?
Порядочный, должно быть, человек.
И сразу видно: волевой, здоровый,
А на плечах – не пыль библиотек.

Есть хватка, мышцы – будто налитые.
По всем приметам скромненький – оцени:
И перстни у него не золотые –
На пальцах нарисованы они.

* * *

Пожарный, полицейский и солдат
Рядили, кто всех больше виноват
В том, что у нас повсюду беспорядки
И что устои ветрены и шатки.

Кого казнить, кому держать ответ,
Что не горит в конце туннеля свет?

В соратниках не находя опоры,
Втроём прижали дворника к забору:

«Немедля доложи, едрёна вошь,
Когда в стране порядок наведёшь?»

* * *

Зазвонил айфон, потом айпад,
Верещал будильник одичало,
Скайп настырно тренькал невпопад,
И микроволновка запищала.

И хозяин истерил чуть-чуть,
Крикнул, не слезая с унитаза:
«Гады! Ну давайте, кто-нибудь
Позвоните в дверь ещё два раза!»

* * *

Я был намерен ангела святее,
Терпимости примеры подавал:
Начальников, правительство и геев
Одним и тем же словом называл.

* * *

Об стол нас снова приложили мордой.
Народ, ещё немного потерпи!

Учёные пообещали твёрдо,
Что смогут удержать значение «*пи*»,

Не глядя на дефолт и пустобрёх,
На уровне от трёх до четырёх.

* * *

Я будто бы прозрел
и осознал – дичаем,
Потряс и удивил
себя с похмелья чаем.

* * *

Всем всегда порядок нужен.
С наведением порядка
Всё в порядке. Это так.

С бардаком – гораздо хуже:
Нам – то некогда, то гадко
Ликвидировать бардак.

* * *

Я к потрясениям привык.
Но средство «Раптор» – не для труса.
Кладёшь пластинку под язык,
И всё – как ветром сдуло гнуса.

Зато из всех щелей и пор,
Ещё не смытые потопом,
Вылазят динозавры скопом,
Медведи и цыганский хор.

* * *

Секретов счастья множество.

Но думаю всё чаще я,
Что жить мы можем счастливо,
когда на всё плевать.
Не напрягает прошлое,
не бесит настоящее.
А будущее? – Было бы
о чём переживать!

* * *

Озаботился искренне друг:

– Как дела у тебя?

– Хорошо.

Будет, думаю, лучше ещё.

– Что для этого делаешь?

– Вру.

* * *

Чтоб популярности добиться
У лиц всех возрастов и наций,
Сеть социальная стремится
К подобию канализации.

* * *

Меняю образ жизни
раз за разом.
Давление в норме,
пульс не так уж плох.
Почти не пью.
Но вот комар, зараза,
Меня случайно укусил
и сдох.

* * *

Если у вас нет машины и дачи,
Лишнего веса и хрипов в груди,
Лысины нет и долгов, это значит,
Вы ещё молоды. Всё впереди.

* * *

Не осилит и метра,
Кто не обгоняет
И жилы не рвёт.
Нет попутного ветра
Тому, кто не знает,
Куда он плывёт.

* * *

К мечте так труден путь и долог,
Что просим Бога: помоги!

Прозренье, как шальной осколок,
Способно вышибить мозги.

Удача – топкое болото.
С ней так легко попасть в беду.

Желая наказать кого-то,
Исполнит Бог его мечту.

* * *

Люблю разумные советы,
Что мне дают по доброте.
Они удобны, как штиблеты
С чужой ноги, – всегда не те.

Им следовать – сродни пороку,
Как утром встать не с той ноги.

В советах этих мало проку.
Я их передаю другим.

* * *

В череде испытаний и бед
Можно факелом стать или пеплом.
Оптимист убеждён:

«Смерти нет!»

Пессимист –

что и жизни-то не было.

* * *

Предельно точен наш язык,
Аж оторопь берёт, однако.
Вчера весь день грузил возы,
Лежу, уставший как собака.

С утра – ни маковки во рту.
Устав работать над собою,
Который вечер, как в бреду,
Голодный как собака, вою.

Порой навалится недуг,
И кажется, что песня спета.

Подохнуть, как собака, где-то
Обидно, ведь собака – друг,
А не разменная монета.

* * *

Шок: заразился друг.
А ведь вчера буквально
Вакциной защитил
от вируса себя.
И вот его трясёт,
как в шторм, десятибалльно.
Да так, что зуб о зуб
стучит, эмаль дробя.

Коронавирус – хворь,
что всех в озноб вгоняет.
Друг задышаться стал
и бредить по ночам.
И «Спутник» не помог,
И веры нет врачам.

Друг триппер подхватил.
Но что это меняет?

* * *

Стихия нашим миром управляет.
Точнее – жаба, хрен и медный таз.
Одна всех душит,
а второй всё знает,
И всё накрылось третьим в горький час.

* * *

Я начал жить, как пресловутый Дейл Карнеги,
Как он, был полон разных планов и идей.
Ко мне народ тянулся, словно к морю реки.
Я стал оказывать влияние на людей.

И поубавилось причин для беспокойства.
Завёл друзей, обрёл уверенность в себе.
И всё пошло само собой легко и просто,
Лишь сократил претензий перечень к судьбе.

Работа – в радость.

Не осталось и в помине
Раздумий тяжких, надоедливых забот.
Я начал жить,
как только сторожем был принят
Намедни на ликёроводочный завод.

* * *

Желаете чай или кофе, вино или пиво,
Коньяк или водку, а может, без газа воды?
Я даже опешил и вспомнил детально и живо
Одно за другим – вечер вторника, утро среды.

* * *

Я бросил пить. И начал мозг работать
Намного лучше, обострился слух.
Я будто бы прозрел, прошла икота,
Вернулся аппетит, стал есть за двух.

Потом стал думать, разгадать спеша
Всё то, о чём так мается душа.

Стал видеть, что кругом бардак и подлость,
И осознал всю тщетность бытия –
Бессмысленность его, свою никчёмность.

Такая жизнь не стоит ни х... гроша.
Налей-ка мне, дружище, по края.

* * *

Друг не пьёт, не матерится
И с утра спешит побриться.
Рядом с ним впадаю в грусть –
Пью, курю и матерюсь.

* * *

Просквозило грудь немножко,
Но – упарилась картошка!
С ней под шубу я залез,
Взял сто грамм и огурец.
Тяпнул всем смертям назло.

Не согласишься – помогло.

* * *

Как в России живут, не дойдя до предела,
Завсегда поперёк, презирая уют?

Иногда выпивают от нечего делать.
Иногда что-то делают, если не пьют.

* * *

Эх, квасок был! – да бражники выпили.
Были зубы, да спьяну повыпали.
Что там в присказке? Всяк Еремей
Думай да про себя разумей.

ИСКОРКИ-ЗАДОРИНКИ

* * *

Мне б ещё годочков тридцать
Жить бы жить – не торопиться.
Я же сиднем не могу –
Всё бегу-бегу-бегу.

* * *

В решете сплавлялся речкой,
Загребал горелой свечкой,
Дым за пазухой возил,
Матюгами парусил.

* * *

Я на вёслах вверх гребу.
Лодка – будто на горбу.
Зачугунела спина.
До чего ж река длинна!

* * *

Моего дружка Виталю
Наградить хотят медалью.
Озадачен он слегка –
Не наладили б пинка.

* * *

Покати шаром в избушке,
Износились даже кружки.
Пили брагу из ковша,
Вот и нету ни гроша.

* * *

До морозов для примерки
Обживал сортир без дверки.
Надо, думаю, теперь
По весне навесить дверь.

* * *

Свату сват да сгоряча
Врезал со всего плеча.
Сват ответил. Вот глядят,
Куда зубы полетят.

* * *

От единой от рюмашки
В чистом поле – потеряшки,
А принявши до пяти –
Самому б себя найти.

* * *

Падал снег в денёк погожий.
Был и я на снег похожий –
От души хлебнув винца,
Шёл и падал без конца.

* * *

Что-то голос не бежит –
Со стакашка дребезжит.
Кабы бражки туесок,
Побежал бы голосок.

* * *

Обещала мил-дружку
Полюбить на бережку.
Пусть уже от радости
Он дойдёт до крайности.

* * *

Я на речку подалась,
Юбкой-неводом прошлась.
Собрала с речушки всей
Полну юбку карасей.

* * *

Подарил вдовице Гришка
С куньим воротом пальтишко.
Лёжа мерила вдова,
Подойдут ли рукава.

* * *

Потемну на сеновале
Парни к девкам приставали,
Но достались им пока
Лишь «гостинцы» по щекам.

* * *

Эх, житьё моё – беда.
Стар я, жёнка – молода.
Ей бы – в пляс. А мне пока
Согревает печь бока.

* * *

Купил лапти-топтуны,
Почитай, за полцены.
И покуда ноги бóсы,
Нет лаптям моим износа.

* * *

В бане с веником брался,
Чуть без кожи не остался.
Вкривь и вкось себя хлестал
До последнего листа.

* * *

На селе дождя не просят.
Он же сеет там, где косят.
И когда его не ждут,
Снова сыпет там, где жнут.

* * *

Не беда, что зубы редки, –
Те, что есть, пока что крепки,
Словно грабли – в два ряда,
И – лопатой борода.

* * *

Сторож, бестия такая,
Дремлет на завалинке
Да от старости пускает
Пар горячий в валенки.

А народец – хват на хвате,
Отвернись – подмётки рвут.
И с коня забавы ради
Снимут сбрую и хомут.

* * *

Обманули прохиндеи?
А куда глаза глядели?
Так у нас заведено –
Дураков полным-полно.

* * *

Мне на темя на неделе
Со стены часы слетели.
Время-времечко летит,
Никого не пощадит.

Содержание

<i>Возвращаясь к истокам. Светлана Тарасова</i>	3
---	---

Крепость

Крепость	8
Краеугольный камень	10
Хор	12
Община	14
СпасиБо-г.....	16
Народ-Златоуст	19
Родительский дом	24
О стариках (<i>притча</i>)	26
Чем богаты	30
Наказ	32
«Пусть часто режет ухо правда-матка...»	34
По Правде жить	35
Деревенская изба	38
Свет в окне	40
Живая Русь	44
Заступница Сибирь	47
Кого бояться?	52
Холода	55
Сибирский тракт	59
Эталон	62
Я родился в России	63

«Чужая» война

Памяти Святослава	71
Коренная порода	75

«Нам ещё предстоит научиться...»	77
Каиново племя	78
«Чужая» война	81
Не для избранных	86
Наши ценности	90
Прогнозам вопреки	91
Мужики	92
Не о героях	96
Выгорание души	99
«Кто прав, хулы не убоится...»	101
Про солдата	103
Не Запад, а Восток	106
Любой ценой	109
Отважный санинструктор	115
Со-страдание	118
Когда-нибудь наступит завтра	121

Лестница в небо

Лестница в небо	127
Зарождение жизни	130
Туда, где обновляется душа	133
Уснуло всё	136
Игра со смыслами	138
Когда дыхание перехватит	141
Воплощение мечты	144
Серебряный луг	148
Над облаками	150
Тройная уха	152
Из февраля в апрель	155
Творить Добро	158
Эверест	163
Город-взрыв	166

Сила и слабость	169
Тайна	170

Живу по Солнцу

Живу по Солнцу	174
Золотой плавник	177
Весенний день	180
«Мы этим миром дорожим...»	181
Распожарился закат	183
Забытый Рай	185
О малых детях	190
Ключ к вечной жизни	192
Бессонница	194
Слякотная осень	198
Через болотную хлябь	202
Дуют ветры	207
Родниковых вод ручей	211
На грани миров	215
Белый снег	217
Не хлебом единым <i>(молитва)</i>	220
Всё ещё наладится	222

Отпетые временщики

Отпетые временщики	226
Красно Солнышко	228
Сукины сыны	232
Во власти Зла	234
Нищета	236
«Тому в России хорошо...»	238
Прости, Страна	239
Лобное место	242
Я ухожу	246
Вас не было с нами	248
Худая молва	250

Центр России	253
Шабашники	257
Личина власти	260
Что всех объединит?	263
Хорошие новости	264
Учите русский	266

Кто отзовется?

Мой долг	270
Деловое братство	272
Десятина	274
Ушёл мой Друг	278
Упущенное время	281
Самосуд	284
Сосед	286
Привычка	287
Кто отзовется?	290
«Пусть не сразу мы осознаём...»	291
Макаровский бальзам	292
«Был озадачен я судьбой вдвойне...»	298
«Интеллигент российский – это...»	299
Я пойду до конца	300

Сила Богатырская

На Калиновом мосту	305
Про сердитого царя и про то, как жить не зря	309
«Что ж... встать с колен мы всё-таки смогли...»	317
«Пусть не спешит нас, русских, огорчать...»	317
«У Запада поблажек не проси...»	317
Вали-Гора и Вырви-Дуб	319

Осколки-отголоски	322
Искорки-задоринки	342

Бернадский Юрий Иванович

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

*Художник Медведев А.
Корректор Чумакова Т.
Вёрстка Вялкова О.*

Сдано в набор 22.07.2024. Подписано в печать 30.09.2024.
Формат 70х100/32. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел./факс (383) 221-96-28. E-mail: id-ins@cn.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, www.dealprint.ru